ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

DOAJ seaL

2025 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 7 № 2

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 7 No. 2

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 7, № 2 | 2025

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:
- 5.8.1. Общая педагогика, истоия педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Федоськина Анастасия Дмитриевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10724
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 4,88. Заказ К-1424. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	25.06.2025
Дата выхода в свет	30.06.2025

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 7 No. 2 | 2025

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:
- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:
- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Peer-Reviews

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Anastasiya D. Fedoskina

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10724
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 4,88. Order К-1424. Circulation 100 copies.
Signed in the print	25 June 2025
Date of publication	30 June 2025

Designed for children over 16 years old

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Данильченко Галина Дмитриевна, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Журавлева Евгения Александровна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Королева Вера Владимировна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой «Второй иностранный язык и методика обучения иностранным языкам», Педагогический институт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор кафедры культурологии, Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь

Масанори Гото, доктор гуманитарных наук (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), профессор, научный сотрудник Центра славянских исследований Хоккайдского университета, г. Хоккайдо, Япония

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Стрелец Михаил Васильевич, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Республика Беларусь

Хамидова Марфуа Азизовна, д-р искусствоведения, профессор кафедры академического пения и оперной подготовки Государственной консерватории Узбекистана, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Шарифов Рахмонали Ятимович, д-р ист. наук, доцент, и. о. профессора кафедры истории древнего мира, средневековья и археологии, декан факультета истории Таджикского национального университета, г.Душанбе, Республика Таджикистан

Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Комратский государственный университет, г. Комрат, Республика Молдова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Тауллановна, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Galina D. Danilchenko, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of advertising and public relations of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

Evgenia A. Zhuravleva, doctor of philological sciences, professor, head of the department of theoretical and applied linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Vera V. Koroleva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the department "Second foreign language and methods of teaching foreign languages", Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of the department of cultural studies of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Goto Masanori, doctor of humanities (Ph.D., Human Science, Osaka University, 2003), professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Mikhail V. Strelets, doctor of historical sciences, professor of the department of humanities of Brest State Technical University, Brest, Republic of Belarus

Marfua A. Khamidova, doctor of art history, professor of the department of academic singing and opera training at The State Conservatory of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Rakhmonali Ya. Sharifov, doctor of historical sciences, associate professor, acting professor of the department of history of the ancient world, the middle ages and archaeology, dean of the faculty of history of the Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора 7

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора 8
Т. Н. Ерина, Э. В. Фомин

Онтология формирования государственного двуязычия в Республике Беларусь к концу XX в. 12
Л. Р. Мустафина

Языковая лояльность к этническому языку у представителей общины хауса в Хартуме 18
М. Н. Осман

Сомакомпонент baş ‘голова’ во фразеологии и паремиях добруджанских татар и татар Поволжья (функционально-семантический анализ) 26
Ф. И. Тагирова, И. И. Сабитова

Этнокультурные проблемы образования

Научные статьи

Виртуальные экскурсии как средство совершенствования иноязычных навыков студентов неязыкового вуза: страноведческий подход 31
Т. А. Кордон

Ассоциативный эксперимент как способ отслеживания динамики развития вторичной языковой личности на примере стимула «nation» 38
В. В. Королева, Е. Т. Полянская

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

World languages and literature

Research Articles

Paired words in the poetic genres of Russian children's folklore 8
Tamara N. Erina, Eduard V. Fomin

The ontology of the formation of state bilingualism in the Republic of Belarus by the end of the 20th century 12
Liubov R. Mustafina

Language loyalty to the ethnic language among the Hausa community in Khartoum 18
Muhammad N. Osman

The somonym component baş 'head' in the phraseology and proverbs of the Dobrujan Tatars and the Volga Tatars (functional-semantic analysis) 26
Fyaridya I. Tagirova, Ilgamiya I. Sabitova

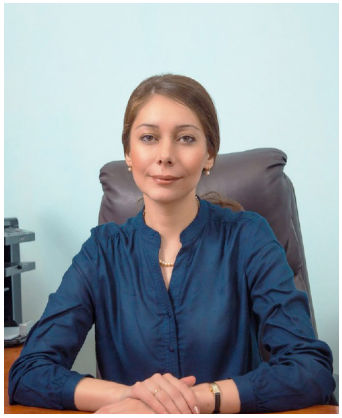
Ethno-Cultural Problems of Education

Research Articles

Virtual excursions as a means of improving professional foreign language skills in a non-linguistic university: cultural immersion approach 31
Tamara A. Kordon

Associative experiment as a means of tracking dynamics of secondary language personality development as exemplified by the stimulus word "nation" 38
Vera V. Koroleva, Ekaterina T. Polyanskaya

Дорогие авторы и читатели!



В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья В. В. Королевой, Е. Т. Полянской «Ассоциативный эксперимент как способ отслеживания динамики развития вторичной языковой личности на примере стимула «nation», в которой приводится подробный разбор ассоциативных полей, полученных от разных групп испытуемых. Работа будет интересна читателям, стремящимся понять механизмы формирования вторичной языковой личности. В статье Л. Р. Мустафиной «Онтология формирования государственного двуязычия в Республике Беларусь к концу XX в.» представлена непротиворечивая и научно обоснованная картина формирования современного билингвального языкового портрета Беларуси. М. Н. Осман в статье «Языковая лояльность к этническому языку у представителей общины хауса в Хартуме» затрагивает актуальные проблемы современной социолингвистики и расширяет имеющиеся на данный момент представления о понимании механизмов языковой устойчивости в условиях арабско-африканского языкового контакта. В статье «Сомакомпонент baş ‘голова’ во фразеологии и паремиях добруджанских татар и татар Поволжья (функционально-семантический анализ)» авторы Ф. И. Тагирова, И. И. Сабитова анализируются фразеологизмы родственных языков с целью выявления семантических процессов, изменений, обусловленных культурными наслоениями, особенностей употребления. Статья Т. Н. Ериной, Э. В. Фомина «Парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора» позволяет глубже понять механизмы передачи языковых традиций и сохранения культурной памяти. В статье выявляются функции парных слов, обусловленные спецификой восприятия ребенка, определяется их роль в формировании языкового сознания детей.

В разделе «Этнокультурные проблемы образования» размещена статья Т. А. Кордон «Виртуальные экскурсии как средство совершенствования иноязычных навыков студентов неязыкового вуза: страноведческий подход». Работа представляет интерес для преподавателей иностранных языков.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

Dear authors and readers!

The next issue of our magazine contains articles on various issues of history, language, culture and education.

The section "Languages and Literatures of the peoples of the world" contains an article by V. V. Koroleva, E. T. Polyanskaya "Associative experiment as a way to track the dynamics of secondary linguistic personality development using the example of the "nation" stimulus, which provides a detailed analysis of associative fields received from different groups of subjects. The work will be of interest to readers seeking to understand the mechanisms of secondary linguistic personality formation. In the article by L. R. Mustafina's "Ontology of the formation of state bilingualism in the Republic of Belarus by the end of the 20th century" presents a consistent and scientifically based picture of the formation of a modern bilingual language portrait of Belarus. M. N. Osman in the article "Linguistic loyalty to the ethnic language among representatives of the Hausa community in Khartoum" touches on the current problems of modern sociolinguistics and expands the currently available ideas about understanding mechanisms of linguistic stability in the context of Arabic-African language contact. In the article "The baş 'head' somocomponent in the phraseology and paremias of the Dobrudzha Tatars and Tatars of the Volga region (functional and semantic analysis)", the authors F. I. Tagirova and I. I. Sabitova analyze phraseological units of related languages in order to identify semantic processes, changes caused by cultural stratifications, and usage features. The article by T. N. Yerina and E. V. Fomin "Paired words in the poetic genres of Russian children's folklore" provides a deeper understanding of the mechanisms of transmission of linguistic traditions and preservation of cultural memory. The article identifies the functions of paired words due to the specifics of a child's perception, and determines their role in shaping children's linguistic consciousness.

The section "Ethnocultural problems of education" contains an article by T. A. Kordon "Virtual excursions as a means of improving the foreign language skills of students of a non-linguistic university: the regional approach". The work is of interest to teachers of foreign languages.

The editors and the editorial board would like to express their sincere gratitude to all the external experts of the journal who shared their professional opinion on the published materials.

Dear readers, authors and reviewers! The Editorial Board, the scientific staff and the leadership of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you good health, new scientific discoveries and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Научная статья

Парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора

https://doi.org/10.31483/r-127179
УДК 398.2(=161.1)-053.2

Ерина Т. Н.[1,a], **Фомин Э. В.**[2,b]
[1]Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация.
[2]Чувашский государственный институт культуры и искусств
г. Чебоксары, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-3428-3534, e-mail: tnerina@rambler.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: yeresen@yandex.ru

Резюме. Работа посвящена изучению частной проблемы детской речи – парных слов, бытующих в фольклорных текстах – считалках, перекличках-дразнилках, закличках. Источниками фактического материала послужили сборники с образцами детского устного народного творчества. Рассматриваемые в статье лексемы извлечены методом сплошной выборки. Исследование базируется на описательном методе, важном для определения функциональных особенностей парных слов в названных жанрах. В отличие от тюркских и финно-угорских языков, где парные слова воспринимаются как обычная лексика и их проблематика разработана достаточно хорошо, в русском языкознании они становятся объектом пристального изучения только в последнее время. В статье выявляются функции парных слов, обусловленные спецификой восприятия ребенка, определяется их роль в формировании языкового сознания детей. Парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора выполняют ритмико-мелодическую функцию: создают четкий ритм, который организует текст, делают его удобным для запоминания, проговаривания или пения, вырабатывают языковую интуицию ребенка, звуковые повторы и аллитерации содействуют развитию фонетического слуха. Наряду с этим изучение парных слов в детском фольклоре позволяет глубже понять механизмы передачи языковых традиций, способствует сохранению культурной памяти.

Ключевые слова: считалки, дразнилки, парные слова, детская речь, заклички.

Для цитирования: Ерина Т. Н. Парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора / Т. Н. Ерина, Э. В. Фомин // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 8-11. DOI10.31483/r-127179. EDN KGNAEM.

Research Article

Paired words in the poetic genres of Russian children's folklore

Tamara N. Erina[1,a], **Eduard V. Fomin**[2,b]
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation.
Chuvash State Institute of Culture and Arts
Cheboksary, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-3428-3534, e-mail: tnerina@rambler.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6708-9909, e-mail: yeresen@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the study of a particular problem of children's speech - paired words that exist in folklore texts - counting rhymes, roll-call-teasers, chants. The sources of factual material were collections with samples of children's oral folklore. The lexemes considered in the article were extracted by the method of continuous sampling. The study is based on the descriptive method, which is important for determining the functional features of paired words in the named genres. Unlike the Turkic and Finno-Ugric languages, where paired words are perceived as ordinary vocabulary and their problems are developed quite well, in Russian linguistics they have become the object of close study only recently. The article reveals the functions of paired words, conditioned by the specifics of the child' perception, and determines their role in the formation of the linguistic consciousness of children. Paired words in poetic genres of Russian children's folklore perform a rhythmic-melodic function: they create a clear rhythm that organizes the text, make it convenient for memorization, pronunciation or singing, develop the child's linguistic intuition, sound repetitions and alliterations contribute to the development of phonetic hearing. Along with this, the study of paired words in children's folklore allows a deeper understanding of the mechanisms of transmission of linguistic traditions, contributes to the preservation of cultural memory.

Keywords: nicknames, paired words, children's speech, counting books, teasers.

For citation: Erina T. N., & Fomin E. V. (2025). Paired words in the poetic genres of Russian children's folklore. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(2), 8-11. EDN: KGNAEM. https://doi.org/10.31483/r-127179

Введение

Изучение детской речи один – из важных вопросов лингвистики. Свидетельством тому могут быть, например, работы известного ученого А. Н. Гвоздева «Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка» (1948), «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка» (1949), «Вопросы изучения детской речи» (1961), которые благодаря тщательности сбора, записи и обработке материала, основательности лингвистической концепции, обусловившей глубину и многоаспектность анализа, пользуются мировой известностью.

Важность изучения детской речи заключается в том, что она представляет собой своеобразную систему лексических знаков со своими правилами и периодами использования, успешное овладение которыми формирует сознание и способствует социализации ребенка.

Дети воспринимают окружающий мир посредством игры, в ходе которой могут рождаться новые слова, а благодаря искусству слова они придумывают целые сюжетные линии, играющие важную роль в становлении личности.

Эффективным средством развития речи является фольклор. Ребячья жизнь невозможна без веселых, шумных игр, нередко с песнями, считалками, загадками, скороговорками, дразнилками. Из них складывается русский фольклор для детей. По мнению М. Н. Мельникова, «детский фольклор представляет собой специфическую область народного творчества, объединяющую мир детей и мир взрослых, включающую целую систему поэтических и музыкально-поэтических жанров фольклора»[1].

Материал и методы исследования

Работа посвящена изучению частной проблемы детской речи – парных слов, бытующих в фольклорных текстах – считалках, перекличках-дразнилках, закличках.

Источниками фактического материала послужили сборники с образцами детского устного народного творчества[2]. Рассматриваемые в статье лексемы извлечены методом сплошной выборки.

Исследование базируется на описательном методе, важном для определения функциональных особенностей парных слов в названных жанрах.

Результаты исследования и их обсуждение

Парные слова – это сложные лексические единицы, состоящие из двух компонентов (реже трех), которые могут находиться в различных семантических связях: синонимических (в том числе ассоциативных) – *друг-товарищ, море-океан, подобру-поздорову*; антонимических – *взад-вперед, туда-сюда*[3] (см. также: Одинцова, Ерина, 2024). В качестве особого разряда парных слов выделяются редупликативные парные слова – *тяп-ляп, хухры-мухры, шуры-муры*.

Данные слова составляет значительный пласт лексических систем тюркских и финно-угорских языков (см., например: Кириллова, 2024, с. 29–32), также, но в меньшей степени, они присутствуют и в западноевропейских лингвокультурах [Питина, 2022; Минова, Копылова, Кузнецова, Николаева, Желамская, 2023][4].

Парные слова в русском языке чаще всего характеризуются стилистически заниженной оценкой и, как правило, встречаются в разговорной речи и устном творчестве[5], особенно детском.

Детский фольклор русского народа характеризуется яркими, оригинальными, доступными по форме и содержанию произведениями, которые легко запоминаются. Какую роль в этом играют парные слова?

Замечательным речевым материалом являются считалки – живой жанр поэтического фольклора[6], популярный у детей. Они используются для выбора ведущего, установки очередности или распределения ролей в игре, и текстах считалок часто встречаются парные слова: *Кот-воркот, / не сиди у ворот. / Мы считаем до пяти, / а ты выходи; Эники-беники, ели вареники, / эники-беники – клец! / Вышел веселый советский матрос; Эники-беники, ели вареники, / эники-беники, три колеса, / эники-беники, съели вареники, / эники-беники ба!*

Их задача не смысл, а запоминание и ритм, который создается при произнесении очередного слова, слога, стихотворной стопы. Как показывают примеры, парные слова задают считалке определенный ритм: *Шла веселая собака, / чики-брики-гав! / А за ней бежали гуси, / головы задрав. / А за ними – поросенок, / чики-брики-хрю! / Чики-брики, повтори-ка, / что я говорю; Чики-брики, где была? / Чики-брики, в городе. / Чики-брики, что купила? Чики-брики, петуха. / Чики-брики, сколько стоит? / Чики-брики, три рубля; Чики-брики, / пальчик выкинь; Аты-баты – шли солдаты, / аты-баты – на базар, / аты-баты – что купили? Аты-баты – самовар. / Аты-баты – сколько дали? / Аты-баты – три рубля. / Аты-баты, кто выходит?/ Аты-баты, это я; Тады-рады, тынка, / где же наша свинка? / Тады-рады, толки, съели свинку волки. / Тады-рады, тынка, / ты бы их дубинкой. / Тады-рады, тутки, / с волком плохи шутки. / Тады-рады, тишка, / выходи, трусишка; Тара-Мара в лес ходила, / шишки ела, нам велела. / А мы шишки не едим, / Таре-Маре отдадим; Титики, мутики, / турашка-мурашка. / Заяц-месяц, где был? / В лесе. Что делал? / Травку щипал, / под колоду клал. / Кто взял? Турбань-юрбань, / сам капитан, / капитанский сын.*

Как видно из приведенных выше примеров, слово в считалках является не столько выразителем определенного смысла, сколько носителем необходимой ритмической единицы и рифмы. Вследствие этого некоторые считалки представляют собой повтор не имеющих никакого смысла непонятных слов и могут полностью из них состоять.

[1] Мельников М. Н. Русский детский фольклор. Москва : Просвещение, 1987. С. 4.

[2] Капица О. И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Ленинград : Прибой, 1928. 15 с.; Мельников М. Н. Указанное сочинение; Считалки для детей. URL: https://deti-online.com/stihi/schitalki (дата обращения: 21.01.2025) и др.

[3] Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Жили-были… К проблеме парных слов русского языка // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 190-195.

[4] Кириллова В. Ю., Исаева М. А., Малова А. В. Парные слова в немецком языке // Академия педагогических идей Новация. 2018. № 12. С. 257-261.

[5] Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Указанное сочинение. С. 193.

[6] Виноградов Г. Русский детский фольклор. Иркутск : Издание Иркутской секции научных работников, 1930. IX, 233 с.

В функции квазислов выступают редупликативные парные слова, участвующие в создании рифмы, например: *Аты-баты чума-чум / ачерепа атабум / бумафера атарас / на горе вечерний час. / Свиньи в бане танцевали, / все кадушечки сломали. / Чики-брики ковшик; Первенчики, / другенчики, трынцы, волынцы, / пятан, ладон, / чохман-бохман, / ервин – тог; Шел крокодил, / трубку курил, / трубка упала и написала: / «Шишел-мышел, / этот вышел»; Шишел-мышел / сел на крышу. / Шишел-мышел / взял – / и вышел; Первинчики-другинчики, / летали голубенчики / по ранней росе, / по зеленой полосе. / Там яблоки, орешки, / медок, сахарок, – / поди вон, малышок; «Тили-тели», – / птички пели / взвились, к лесу полетели, / стали птички гнезда вить. / Кто не вьет, тому водить; Тара-бра, домой пора / коров доить, тебе водить.*

Рифма – не единственное выразительное средство считалок как традиционного жанра устной детской поэзии. В зависимости от их назначения и характера образно-смысловые элементы отходят на второй план, а ведущая роль принадлежит звукам. Особенно это характерно для считалок, полностью состоящих из так называемых заумных слов, которые не употребляются в речи и не имеют никакого значения, например: *Чирдиржик-мирдиржик, / хрупчик один, / чирдиржик-мирдиржик, / хрупчик два, / чирдиржик-мирдиржик, хрупчик три; Чики-брики, / чики-чик. / Чички-вычки, / чикининь мык; Шишел-мышел / взял – и вышел; Эни беки рики-таки, / буль, буль, буль, / коряки, смаки, / энес, бэнес красноденес, бац; Эни-бени, рики-таки, / буль-буль-буль, каляки-шмаки, / эус-бэус, кит-латеус, бац; Авсень-паусень, / шинь, пень, / ширвервень. / Авсень-паусень. / Дзинь!*

Таким образом, в текстах считалок с большим числом заумных стихов ритм создается благодаря звуковой игре: аллитерациям (повтор шипящих ч, ш, ж; сонорных р, л, м, н; звонких согласных); ассонансу (повтор гласных а, и, э, е, у), которые образуют фонетически яркие парные слова.

Ритм в считалках создается также повтором междометий: *Бах-бух, / тях-тюх, / зайчик – ух, / во весь дух. / Полетел от зайки пух. / Хуп-хоп, / зайке в лоб, / шум, звон, / поди вон; Ахи-охи, / ахи-ох! / Маша сеяла / горох. / Уродился / он густой, / мы помчимся – / ты постой; Прыг-скок, прыг-скок, / покатился колобок. / С лавки на пол – и к дверям, / на порожек – и к сеням, / на крыльцо, во двор, вперед… / Твой за ним теперь черед.*

У считалочки есть немало вариаций, созданных детской фантазией. Так, например, существует несколько вариантов считалок, основанных на употреблении парных звукоподражательных слов, передающих звучание популярной балалайки: *Цынцы-брынцы, балалайка. / Цынцы-брынцы, поиграй-ка. / Цынцы-брынцы, не хочу. / Цынцы-брынцы, заплачу. / Цынцы-брынцы, дай пятак. / Цынцы-брынцы, выйди так; Цынцы-брынцы, балалайка. / Цынцы-брынцы, поиграй-ка. / Цынцы-брынцы, не хочу. / Цынцы-брынцы, есть хочу. / Цынцы-брынцы, вам котлет? / Цынцы-брынцы, мне конфет; Цынцы-брынцы, балалайка. / Цынцы-брынцы, поиграй-ка / Цынцы-брынцы, не хочу, / Цынцы-брынцы, спать хочу. / Цынцы-брынцы, куда едешь? / Цынцы-брынцы, в городок. / Цынцы-брынцы, чего купишь? / Цынцы-брынцы, сухарек; Инцы-брынцы, / балалайка! / Инцы-брынцы, / поиграй-ка! / Инцы-брынцы, / не хочу! / Инцы-брынцы, / вон пойду!*

Наряду со считалками популярным жанром детского фольклора являются дразнилки – короткие стишки, которые произносятся речитативом. Они отражают негативные моменты в восприятии детьми окружающей действительности. Так, предметом осмеяния становятся люди с различными свойствами характера, в частности плаксы: *Чокли-мокли, / чокли-мокли, / у тебя глаза намокли. / Если долго будешь плакать, / ты лягушкой будешь квакать.*

Дразнилки-издевки сильнее выражают негативное отношение ребят к ябедам: *Ябеда-корябеда, / зеленый огурец. / По полу валяется, / никто его не ест.*

Существует несколько видоизмененных текстов этой дразнилки: *Ябеда-корябеда, / соленый огурец, / он упал на землю – / его никто не ест; Ябеда-корябеда, / зеленый огурец: / никто с ним не играет, / никто его не ест.*

Следующие дразнилки выражают отрицательные эмоции уже в отношении тех, кто дружит с ябедами: *Ябеда-корябеда, / турецкий барабан, / кто на нем играет, / тот противный таракан; Ябеда-корябеда, / турецкий барабан, / кто на нем играет, / тот рыжий таракан.*

Как видно, употребляющиеся в приведенных дразнилках парные слова подчиняются их внутреннему ритму, а лексически, на удивление, – точно выражают отношение детей к тем негативным чертам характера человека, о которых идет речь. Так, первая часть созвучного компонента корябеда в составе парного слова ябеда-корябеда содержит указание на глагол коробить переносное ‘вызывать неприятное чувство, внушать отвращение’.

Заклички также являются популярным традиционным жанром русского детского фольклора. Это небольшие стихотворные строки, в которых обращаются к различным явлениям природы, к животным, птицам, насекомым. Все явления и силы природы, а также времена года воспринимаются как одушевленные существа. Ребенок сам вступает с ними в контакт: *Радуга-дуга, перебей дождя, / На костре кашу вари, / деток корми!*

В закличках употребляются парные слова, которые здесь являются магическим заклинанием: *Солнышко-ведрышко! / Выгляни в окошко: / Посыплю горошку; Радуга-дуга, / не давай дождя, / давай солнышко, / красно ведрышко; Морозушка-Мороз! / Не тяни домой за нос! / Не стучи, не балуй, / а на окнах рисуй; Приди к нам, весна, / со радостью! / Со великою к нам / со милостью!.. / С калиной-малиною, / с грушами, с яблочками, ... / с травушкой-муравушкой; Жавороночки-полетовочки, / прилетите к нам, / принесите нам / весну красную, / лету теплую; Свет-светлячок, / посвети в кулачок. / Дам тебе горошка, / кувшин творога / и кусок пирога; «Стрелочка-стрекозочка, / полети на облачко!» / – «Сухо будет – полечу, / а сыро будет – посижу»; «Кисонька-Мурысонька, где была?» / – «На мельнице». / – «Кисонька-Мурысонька, / что из муки пекла?» / – «Прянички». / «Кисонька-Мурысонька, с кем ела?» – «Одна!» – «Не ешь одна! Не ешь одна!»*

Заметим, что парные сочетания-обращения включают уменьшительно-ласкательные формы (*солнышко, морозушка, стрекозочка, жавороночки, кисонька*), которые выражают особые чувства детей (волнение, восхищение) и их надежду на то, что просимое исполнится.

Выводы

Таким образом, парные слова в поэтических жанрах русского детского фольклора выполняют ритмико-мелодическую функцию: создают четкий ритм, который организует текст, делают его удобным для запоминания, проговаривания или пения, вырабатывают языковую интуицию ребенка, звуковые повторы и аллитерации содействуют развитию фонетического слуха.

Наряду с этим изучение парных слов в детском фольклоре позволяет глубже понять механизмы передачи языковых традиций, способствует сохранению культурной памяти.

Список литературы

Кириллова В. Ю. Парные слова в чувашском и марийском языках : монография. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2024. 160 с. EDN ZNXUHQ

Минова М. В., Копылова Е. В., Кузнецова Ю. А., Николаева Е. А., Желамская В. А. Феномен редупликации как способа словообразования в современных французском, испанском, английском и русском языках // Филология: научные исследования. 2023. № 4. С. 1-17. DOI 10.7256/2454-0749.2023.4.40020. EDN NTDGOY

Одинцова А. А., Ерина Т. Н. Функционирование парных слов в современном русском языке // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2024. С. 171-174. EDN QMHWPW

Питина С. А. Редупликация в английском языке как разновидность языковой игры // X Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций». Челябинск, 2022. С. 204-206. EDN QJERRN

References

Kirillova, V. Y. (2024). Paired words in the Chuvash and Mari languages: a monograph., 160. Cheboksary: Publishing House of the Chuvash University. EDN: ZNXUHQ

Minova, M. V., Kopylova, E. V., Kuznetsova, Yu. A., Nikolaeva, E. A., Zhelamskaya, V. A. (2023). The phenomenon of reduplication as a method of word formation in modern French, Spanish, English and Russian languages. *Philology: Scientific researches, 4*, 1-17. EDN: NTDGOY. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40020

Odintsovo, A. A., Erin, T. N. (2024). The functioning of paired words in modern Russian., 171-174. Ashmarin readings. Cheboksary. EDN: QMHWPW

Pitina, S. A. (2022). Reduplication in English as a kind of linguistic game., 204-206. X Lazarev readings "Faces of traditional culture in modern cultural space: a game universe of traditions". Chelyabinsk. EDN: QJERRN

Информация об авторе

Ерина Тамара Николаевна –
кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3428-3534;
e-mail: tnerina@rambler.ru

Фомин Эдуард Валентинович –
кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный институт
культуры и искусств,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Information about the author

Tamara N. Erina – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Chuvash State Universit,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3428-3534;
e-mail: tnerina@rambler.ru

Eduard V. Fomin – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Chuvash State Institute of Culture and Arts,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6708-9909;
e-mail: yeresen@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2025
Принята к публикации 27.03.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 10 March 2025
Accepted 27 March 2025
Published 20 June 2025

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-139014
УДК [811.161.3: 811.161.1]'246.2

Онтология формирования государственного двуязычия в Республике Беларусь к концу XX в.

Мустафина Л. Р.
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0007-4939-7052, e-mail: lu.mu13@mail.ru

Резюме. Работа посвящена описанию языковой ситуации в Республике Беларусь. Автором изучается статус и функции белорусского языка на землях, исторически входивших в состав нескольких государств, и в настоящее время являющихся белорусской территорией. Целью работы является установление факторов, обусловивших возвращение к государственному двуязычию вслед за непродолжительным периодом использования белорусского языка в качестве единственного государственного. Исследование базируется на анализе опубликованных документов, посвященных описанию языковой ситуации, а также языковой политики, проводимой в Республике Беларусь, начиная с IX по XX вв. Исследование носит обзорный характер. Главными факторами, лежащими в основе современной языковой ситуации в стране, следует признать следующие: продолжительное время нахождения белорусского языка в диглоссном распределении с более функционально развитыми языками; близкородственность русского и белорусского языков; стигматизация смешанного варианта названных языков; вхождение территории современной Беларуси в состав Российской империи и СССР; более престижный статус русского языка в мире; функционирование белорусского языка в качестве символа этнической идентификации белорусов, но не средства общения.

Ключевые слова: русский язык, функции языка, белорусский язык, близкородственное двуязычие, смешанный вариант русского и белорусского языков.

Для цитирования: Мустафина Л. Р. Онтология формирования государственного двуязычия в Республике Беларусь к концу XX в. // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 12-17. DOI10.31483/r-139014. EDN NZQBBA

Research Article

The ontology of the formation of state bilingualism in the Republic of Belarus by the end of the 20th century

Liubov R. Mustafina
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0007-4939-7052, e-mail: lu.mu13@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the description of the language situation in the Republic of Belarus. The author studies the status and functions of the Belarusian language in the lands that were historically part of several states and are currently Belarusian territory. The aim of the work is to establish the factors that determined the return to state bilingualism following a short period of using the Belarusian language as the only state language. The study is based on the analysis of published documents devoted to the description of the language situation, as well as the language policy pursued in the Republic of Belarus, starting from the 9th to the 20th centuries. The study is of a review nature. The following should be recognized as the main factors underlying the modern language situation in the country: a long time of the Belarusian language being in a diglossal distribution with more functionally developed languages; close relationship of the Russian and Belarusian languages; stigmatization of a mixed version of these languages; the inclusion of the territory of modern Belarus into the Russian Empire and the USSR; a more prestigious status for the Russian language in the world; the functioning of the Belarusian language as a symbol of ethnic identification of Belarusians, but not as a means of communication.

Keywords: the Russian language, the Belarusian language, closely related languages in bilingual settings, belarusian-russian-mixed-speech, language functions.

For citation: Mustafina L. R. (2025). The ontology of the formation of state bilingualism in the Republic of Belarus by the end of the 20th century. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7*(2), 12-17. EDN: NZQBBA. https://doi.org/10.31483/r-139014.

Введение

В настоящее время явление государственного двуязычия широко распространено в различных странах, и в каждом случае оно имеет свои особенности.

Отличительной чертой Республики Беларусь является близкородственное двуязычие. С 1994 г. здесь законодательно закреплено существование двух государственных языков – белорусского и русского. Согласно закону о языках, «Республика Беларусь обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни»[1].

[1] Закон Белорусской Советской Социалистической Республики о языках в Белорусской ССР : принят на четырнадцатой сессии Верховного Совета БССР одиннадцатого созыва 26 января 1990 г. Минск : Беларусь, 1990. С. 1.

Для определения причин сосуществования белорусского и русского языков в белорусском обществе необходимо изучить историю взаимодействия двух языков, обращая особое внимание на статус каждого из них в различных территориально-административных образованиях, существовавших ранее на территории современной Беларуси.

Целью исследования является установление факторов, обусловивших возвращение к государственному двуязычию вслед за непродолжительным периодом использования белорусского языка в качестве единственного государственного.

Материалы и методы исследования

Работа базируется на анализе опубликованных документов, посвященных описанию языковой ситуации, а также языковой политики, проводимой на территории современной Республики Беларусь, начиная с IX по XX в.

Исследование носит обзорный характер.

Результаты исследования и их обсуждение

Статус и сферы использования белорусского языка с IX по XX вв. Самым ранним государственным образованием на территории Беларуси было Полоцкое княжество (IX в.), в котором были распространены диалектные разновидности общего предка современного русского и белорусского языков – древнерусского. Однако после образования Великого княжества Литовского в XIII в. западные варианты древнерусского языка, которые справедливо можно было назвать его диалектами, оказались изолированы от других в силу возникновения новых государственных границ и начали приобретать особенности, отдаляющие его от языков соседних государств – Московской Руси, Новгородской и Псковской республик, украинских земель).

В период существования Великого княжества Литовского государственным языком стал территориальный вариант древнерусского языка, который использовался во всех сферах жизни. На нем были написаны Вислицкий статут (1423–1438), статут Казимира Ягайловича (1468), три редакции статута Великого княжества Литовского (1529, 1566, 1588), трибунал Великого княжества Литовского (1581) и другие исторические документы.

Вопрос об определении точного времени становления старобелорусского языка остается спорным. В официальных документах использующиеся диалектные разновидности продолжали называться руским[2] языком, что свидетельствует о том, что сами носители языка не противопоставляли свой вариант другим диалектам древнерусского.

В письменной традиции того времени «продолжал активно использоваться и церковнославянский язык, сильно потесненный, однако, деловым русским языком не только в светских, но иногда и в церковных трудах. Сам церковнославянский язык испытывал значительно влияние разговорного и письменного русского языка. Можно даже говорить о складывании особого “западнорусского» (“белорусского”) извода церковнославянского языка, типичным примером которого считают язык изданий Ф. Скорины»[3]. «Отсутствие единой наддиалектной нормы или устной формы старописьменного русского языка вело к значительной диалектной дифференциации»[4]. Начиная с XIV в. древнерусский язык на территории современной Беларуси стал подвергаться влиянию польского, которое значительно возросло в конце XVI в. после образования Речи Посполитой[5].

К XVI в. местный вариант русского языка достаточно отдалился от других вариантов, которые существовали на территории иных княжеств. «Это был период формирования единого руского (старобелорусского) языка с различными уровнями бытования: литературным, канцелярским, разговорным. К концу XVI в. появились практически все морфологические и фонетические особенности белорусского языка, которые характерны для него и на современном этапе»[6]. За время своего обособленного существования «западный вариант древнерусского языка успел сформировать уникальные особенности, которые позволяют исследователям описывать язык начала XVI в. как “старобелорусский”»[7].

В период существования Речи Посполитой (1569–1795) белорусский язык не смог сохранить статус языка, на котором ведутся государственные дела, не стал языком образования, на нем почти не издавалась литература. Большинство представителей высших слоев общества в то время предпочитали использовать польский язык[8]. По этому поводу Е. Ф. Карский писал: «Образованный класс оказался менее устойчивым в хранении своего умственного богатства: в погоне за благами мира, под напором боле крупных цивилизаций, а иногда и просто физической силы, он растратил свои сокровища, считая их малоценными величинами»[9]. Белорусский стал языком простых людей и использовался преимущественно в бытовом общении.

Подобные различия в языке разных слоев общества, а также религиозные различия привели к тому, что простые люди, представители крестьянства, со временем потеряли собственную этническую идентичность. В силу распространения православной, униатской и католической веры в Речь Посполитой, а также отсутствия наддиалектной формы старобелорусского языка, простым людям было трудно осознать свою принадлежность к одному этносу, именно в это время появилось такое название как *тутэйшые*[10].

После вхождения территории современной Беларуси в состав Российской империи, а также восстаний, подавление которых повлекло за собой запрет польского языка, русский язык занял главенствующее положение. Белорусский же оставался языком обычных людей вплоть до начала XX в. В последующем на территории Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР) проводилась политика белорусизации, которая подразумевала развитие национального языка, распространение образования и возрождение белорусской культуры.

Значимым результатом проведения белорусизации стало формирование этнической самоидентификации белорусов. В 20-х годах XX в. белорусский язык усиленно развивался и изучался. «В это время были созданы соответствующие условия для научной разработки проблем белорусского языка, его истории, современной лексики и грамматических норм, терминологии на основе изучения народного языка.

[2] Здесь и далее язык называется руским согласно орфографии, принятой в исторических документах.

[3] Коряков Ю. Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19. Москва, 2002. С. 17.

[4] Там же. С. 21.

[5] История белорусской государственности : в 5 томах. Том 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. Минск : Беларуская навука, 2018. С. 43, 245, 399–340.

[6] Там же. С. 404.

[7] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 17.

[8] История белорусской государственности… С. 405–406.

[9] Карский Е. Ф. Белорусы. Том 3 : Очерки словесности белорусского племени. Петроград : 12-я государственная типография, 1921. С. 3.

[10] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 21.

Основную работу в этом направлении осуществляли народный комиссариат просвещения БССР, Институт белорусской культуры, соответствующие университетские кафедры»[11].

Государственными языками в БССР были признаны белорусский, русский, еврейский и польский языки. «В статье 22 Конституции БССР 1927 г. белорусский язык был объявлен основным для государственных, профессиональных и общественных заведений и организаций»[12].

Ю. Б. Коряков отмечает, что «письменный белорусский язык не столь быстро вытеснял русский. В 1926 г. из 36,5 % грамотных белорусов только половина умели читать и писать по-белорусски. Сам белорусский письменный язык находился еще на стадии формирования. В 1926 г. прошла академическая конференция по реформе белорусского правописания и алфавита, на которой были закреплены письменные нормы белорусского языка»[13].

Однако в 1930 гг. политика была свернута «поскольку в общегосударственной политике интернационализм все более сменялся национализмом, постепенно восстанавливались дореволюционные традиции, то закономерно произошла и смена языковой политики во второй половине 30-х г[одов]»[14]. Следствием этого стало постепенное возвращение белорусов к использованию русского языка.

В дальнейшем языковая ситуация в БССР характеризовалась укреплением положения русского языка, он являлся доминирующим языком образования, на нем осуществлялась деятельность государственных и партийных организаций. В 1933 г. было принято постановление «Об изменениях и упрощении белорусского правописания», что привело к еще большему уподоблению белорусского языка русскому.

В период после Великой Отечественной войны влияние русского языка продолжало расти. Этому способствовало несколько факторов: 1) политика государства была нацелена на распространение русского языка[15]; 2) образовательный процесс в БССР осуществлялся на русском языке, исключением были некоторые сельские школы[16]; 3) после войны в БССР вернулись не только те, кто был эвакуирован, но сюда также приехали люди из других регионов СССР для восстановления республики, и языком общения многонационального населения стал русский[17]; 4) урбанизация способствовала переселению большого количества людей в города, где использовался русский язык[18].

Белорусский язык в конце XX в. После распада СССР и появления нового государства у белорусов появилась возможность улучшить положение белорусского языка, расширить сферы его употребления – началось «второе белорусское возрождение»[19]. В 1989 г. в БССР была проведена перепись населения. Согласно данным переписи «65,6 % населения назвали белорусский своим родным языком, а еще 12 % утверждали, что свободно им владели»[20].

Как отмечает Л. П. Крысин, «изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов» [Крысин, 2021, с. 19].

Попытка изменить языковую ситуацию в Беларуси была предпринята уже в 1990 г. Был принят закон о языках, согласно которому Республика Беларусь «обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского языка во всех сферах общественной жизни, проявляет государственную заботу о свободном развитии и употреблении всех национальных языков, которыми пользуется население республики, обеспечивает право свободного пользования русским языком как языком межнационального общения народов, создает гражданам Республики Беларусь необходимые условия для изучения белорусского и русского языков и совершенного владения ими»[21]. Закон определял белорусский единственным государственным языком республики.

«Практическим шагом в реализации закона стала принятая Советом Министров в сентябре 1990 г. программа развития белорусского и других национальных языков. В результате уже через год значительно расширилось число школ и классов с белорусским языком обучения, власти смогли “белорусизировать” около 80% всех дошкольных учреждений. А вот из-за неоднозначной реакции интеллигенции, неготовности обеспечить образовательный процесс на белорусском языке и даже банального нежелания это делать перейти на белорусский язык в высшей школе не удалось. Белорусизация начала 1990 гг. в конечном счете превратилась в политическую акцию, перешла в популистский лозунг» [Лавицкий, 2022, с. 82].

Переход к использованию белорусского языка в официально-деловой, образовательной и социально-культурной сферах, которые ранее обслуживались русским языком, не был естественным, а имел принудительный характер. Целью проводимой языковой политики в тот момент было осуществление полного перехода белорусского общества на белорусский язык за десять лет.

Однако принудительность перехода от русского к белорусскому не могла касаться сферы бытового общения. М. И. Конюшкевич описывает отношение к белорусскому языку в бытовой сфере общения следующим образом: «Менее всего интерес к белорусскому языку проявляется как к средству бытового общения, так как в этой сфере русскоязычный гражданин республики не чувствует психологического дискомфорта и принуждения, если не переходит на белорусский язык»[22].

[11] Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси: с древнейших времен до нашего времени. 8-е издание. Минск, 2010. 622 С. 366.
[12] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 32.
[13] Там же. С. 33.
[14] Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000. Москва, 1997. С. 87.
[15] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 40.
[16] Там же. С. 39.
[17] Там же.
[18] Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт. Минск : РИВШ, 2015. С. 172.
[19] Мечковская Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // Russian Linguistics. 1994. Том 18. С. 299.
[20] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 43.
[21] Закон Белорусской Советской Социалистической Республики… С. 27.
[22] Конюшкевич М. И. Языковая ситуация в Беларуси и особенности функционирования русского и белорусского языков // Язык в контексте общественного развития = Language in the Context of Social Development. Москва : 1994. С. 216.

Новый статус белорусского языка создавал определенные трудности для белорусов. Все больше людей хотело вернуть русскому языку его прежний статус государственного языка: «В 1993 году в газете "Советская Беларусь" были опубликованы результаты опроса, проведенного по всей территории республики, согласно которым 60,2 % респондентов хотят, чтобы государственными языками государства были белорусский и русский, и лишь 22,7 % – только белорусский. В 1994 г., по данным исследователя В. Ю. Михальченко, три четверти населения Белоруссии выступают за двуязычие, большинство населения своим родным языком считают именно русский. По данным М. И. Конюшкевич русский язык по-прежнему доминирует в сферах науки, и культуры, делопроизводства, обслуживания, в эпиграфике, в средствах массовой информации и т. д .»[23].

В 1995 г. на общегосударственном референдуме большинство белорусов (83,3%) проголосовало за возвращение русскому языку статуса государственного. «Именно эта поправка к конституции стала отправной точкой оформления действующих принципов языковой политики Беларуси» [Лавицкий, 2022, с. 82].

Факторы, предопределившие возвращение к государственному двуязычию. При анализе мер языковой политики, проводимой в Республике Беларусь в конце XX в., особый интерес, на наш взгляд, представляют причины нежелания белорусов использовать исключительно белорусский язык во всех сферах жизни общества, а также причины, по которым статусом государственного был наделен именно русский язык. Анализ литературы, посвященной становлению белорусского языка в обществе, а также описывающей его взаимодействие с другими языками, позволил сделать следующие выводы.

1. В сознании белорусов титульный язык не отождествлялся с языком, использующимся в официальной сфере, доминирующим языком средств массовой информации, образования, языком административно-политического и социально-экономического взаимодействия. Причиной этому мог стать долгий промежуток времени, на протяжении которого белорусский язык находился в диглоссном распределении с другими, функционально более развитыми языками. Исторически, начиная с XVI в., белорусский был оттеснен в сферу бытового общения и не использовался большинством в официальной сфере, уступив место сначала польскому, а потом русскому языку.

До XX в. при распространении на территории Беларуси других языков белорусский не запрещался. «Специальные меры против распространения белорусского языка даже не предпринимались, поскольку до начала XX в. на нем почти не писали»[24]. Он сохранялся в сфере неофициального общения и в основном использовался простыми людьми преимущественно в сельской местности, так как такие языки, как польский во времена Речи Посполитой, а с XIX в. русский стали предпочтительными языками горожан и представителей высших слоев общества. «Русский язык был государственным, все другие языки не имели официального статуса»[25].

В дальнейшем ситуация для белорусского языка не изменилась – под влиянием языковой политики, проводимой в Российской империи и СССР, белорусский продолжал оставаться в тени русского языка, однако он также мог использоваться в образовании, средствах массовой информации, в административно-правовой системе, но в большинстве случаев языком этих сфер оставался русский. Следствием этого стало скептическое отношение белорусов к переходу на белорусский язык во всех сферах жизни. Несмотря на то, что белорусский язык оставался символом, подкрепляющим этническое самосознание. Белорусский язык так и не смог стать единственным языком белорусов.

Тем не менее политика, проводимая государством в конце XX в., имела определенные положительные последствия для самого белорусского языка. Благодаря усиленной разработке, белорусский язык стал более функционально развитым[26].

2. Близкородственность русского и белорусского языков способствовала их смешению в сознании белорусов. В словаре социолингвистических терминов приводится следующее определение близкородственного двуязычия: «Близкородственное двуязычие – владение двумя близкородственными языками и их использование. Предполагает развитие смешанной речи и высокую степень интерференции. При недостаточном владении обоими языками возникает полуязычие»[27].

Специфической чертой близкородственного двуязычия и следствием отсутствия четкого разграничения русского и белорусского языков на территории Республики Беларусь стало наличие смешанного варианта – трасянки. Под трасянкой понимается «разновидность языка, представляющая собой смесь русского и белорусского языков; используется в условиях контактирования этих языков. Характерна для малообразованных людей с недостаточным уровнем владения как белорусским, так и русским языком. Особая форма полуязычия»[28].

Справедливость данного определения является спорной, неясно также и значение, стоящее за «особой формой полуязычия». В словаре социолингвистических терминов дается следующее определение: «Полуязычие – особый вид билингвизма, при котором имеет место частичная утрата родного языка (неполное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка. Характерно для людей с очень низким культурным уровнем, ограниченных в социальных связях. Чаще возникает у представителей миноритарных групп, этнический язык которых имеет низкий социальный статус и считается непрестижным»[29].

В настоящее время уверенное владение белорусов русским языком не вызывает сомнений, но параллельно продолжает существовать трасянка. По этому поводу Г. Хентшель пишет: «Проведенные в рамках Ольденбургского проекта социологические опросы показывают, что большинство респондентов в сферах общественной жизни употребляет русский язык, в то

[23] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 46.
[24] Алпатов В. М. Указанное сочинение. С. 32.
[25] Там же. С. 30.
[26] Сообщение Ю. В. Бекреевой.
[27] Словарь социолингвистических терминов / под редакцией Е. М. Василевича. Москва : Институт языкознания РАН, 2006. С. 33.
[28] Там же. С. 231.
[29] Там же. С. 169.

время как в бытовой сфере преобладает БРСР (белорусско-русская смешанная речь), причем такое распределение характерно для говорящих с разным (формальным) уровнем образования. …хотя белорусы с высшим образованием используют ее (БРСР) значительно реже. Для языкового ландшафта Беларуси характерна ситуация диглоссии между русским языком и БРСР. За исключением первого поколения носителей современной БРСР, данную форму речи у большого количества говорящих ни в коем случае нельзя рассматривать как «недоученный русский язык», ведь при желании многие носители БРСР, если не большинство, могут хорошо говорить по-русски»[30]. «Трасянка – это и есть современный белорусский язык в его субстандартных идиолектах; большинство людей, говорящих по-белорусски, говорят именно на трасянке» (Н. Б. Мечковская) (цитата по: Горицкая, 2021, с. 17).

В настоящее время существует несколько точек зрения на проблему определения трасянки. Некоторые исследователи квалифицируют ее как диалектный континуум. По нашему мнению, трасянка является языковой сущностью, соединяющей черты русского и белорусского языков. Согласно социолингвистическому словарю, «диалектный континуум может переходить в языковой континуум на границах распространения родственных языков, в результате чего возникает сложная проблема разграничения соответствующих идиомов»[31]. Наличием проблемы разграничения русского и белорусского языков является существование их смешанного варианта.

В конце XX в. владение смешанным вариантом, а не нормативным белорусским языком стала проблемой для многих белорусов. Такого рода речь определяется как признак людей, не способных говорить на чистом белорусском или русском языках, что в свою очередь содействует стигматизации смешанной речи в Беларуси[32].

После приобретения белорусским языком статуса единственного государственного он внедрялся в официальные сферы жизни общества, стал языком обращения в государственные органы и ведения документации. Однако это осложняло коммуникацию для самих белорусов, скорее владевших диалектами или смешанным вариантом белорусского и русского языков, которые являлись хорошо известным и понятным средством общения в повседневной жизни. Все же эти разновидности белорусского языка по понятным причинам не могли быть использованы в официальных сферах, где предполагается использование металекта.

3. Существует безусловный исторический интерес белорусов к русскому языку. Оба языка произошли от древнерусского и являются близкородственными. Время их отделения друг от друга считается относительно недавним (XIV–XV). В 30-е годы XX в. белорусский язык «был реформирован с целью приближения к русскому языку, что отвечало государственной политике того времени»[33].

Исторически белорусы в своем сознании часто не отделяли свой язык от великорусского. До присоединения территории Беларуси к Российской империи, согласно многочисленным историческим документам, белорусы называли язык, на котором говорили руским[34]. Православные белорусы во времена Российской империи имели основания называть себя русскими. «Официальная государственная концепция в Российской империи не основывалась на каком-либо национальном принципе. Население классифицировалось не по национальностям, а прежде всего по вероисповеданиям. В число русских всегда включались украинцы и белорусы, а иногда и любые православные»[35].

В. М. Алпатов описывает отношение к белорусам в начале XIX в. следующим образом: «Белорусы рассматривались как часть русского народа, имеющая лишь небольшие этнографические отличия. Поощрялись изучение русского языка и в конечном счете языковая ассимиляция»[36].

В 1903 г. Е. Ф. Карский в своем труде «Белорусы» писал: «В настоящее время простой народ в Белоруссии не знает этого названия. На вопрос: кто ты? Простолюдин отвечает – русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком; иногда свою родину назовет Литвой, а то и просто скажет, что он “тутэйший” – здешний, конечно противополагая себя лицу, говорящему по-великорусски, как пришлому в западном крае»[37].

Таким образом, русский язык не был чужим белорусам. В дальнейшем общая история СССР, тесные взаимоотношения между Россией и Беларусью только укрепляли связь белорусов с русским языком.

4. Статус мирового дает русскому языку весомое преимущество. Русский является доминирующим языком СМИ, телевидения, интернета на территории Беларуси. В настоящее время получение и обмен информациией происходит как на русском, так и на белорусском языках, однако русский язык используется чаще.

Исследователи отмечают, что «Республика Беларусь является уникальным государством среди постсоветских стран, в котором русский язык доминирует во всех сферах жизни деятельности народа – от функционирования в государственной сфере до образования, науки и культуры» [Маслова, Камышева, 2023, с. 57]. М. И. Конюшкевич, описывая медиапространство Беларуси, обращает внимание на следующие особенности: «в двуязычном медиапространстве, где русский язык доминирует, русскоязычным газетным текстам “трасянка” (белорусско-русская смешанная речь) не свойственна, а белорусизмы в русскоязычных медиатекстах выполняют задачи: а) отражения белорусских реалий; б) манифестацию национальной идентичности; в) создание экспрессивных и других эффектов»[38].

Для белорусов свободное владение русским языком открывает больше возможностей, так как русским языком пользуется значительно большее количество людей за пределами Беларуси. М. И. Конюшкевич высказывает

[30] Хенштель Г. Указанное сочинение. С. 173–174.
[31] Словарь социолингвистических терминов. С. 56.
[32] Там же. С. 173.
[33] Коряков Ю. Б. Указанное сочинение. С. 37.
[34] Статут Великого княжества Литовского 1588 г.
[35] Алпатов В. М. Указанное сочинение. С. 30.
[36] Там же. С. 32.
[37] Карский Е. Ф. Белорусы. Том 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1903. С. 116.
[38] Конюшкевич М. И. Двуязычное медиапространство Статья вторая. Влияние русского языка на тексты белорусских СМИ // Медиалингвистика. 2017. № 2. С. 19.

точку зрения, согласно которой «по прошествии времени и под влиянием политических, исторических и социальных катаклизмов XX в. сформировалась косвенная экстраполяция подобных взглядов (речь о негативной оценке белорусского языка) в массовое сознание белорусского социума, который добровольно стал отрекаться от своего родного языка, проигрывающего в его глазах русскому языку в престижности и возможностях. Этот комплекс факторов отказа белорусов от использования своего языка в коммуникации продолжает действовать и сегодня»[39].

Выводы

Особая значимость русского языка для белорусов в настоящее время является результатом взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. С одной стороны, схожесть двух языков в ситуации близкородственного двуязычия оправдывает владение одним из них при том, что второй остается понятным в силу их схожести. Предпочтение, как правило, отдается русскому языку, который занимает прочное положение в обществе, являясь более распространенным средством общения, так как именно русский язык исторически использовался во всех сферах жизни общества, является мировым языком, а также языком, который может обеспечить коммуникацию не только в пределах одной страны.

Белорусский язык, продолжая функционально развиваться и расширять возможные сферы использования, все же остается в основном символом этнической идентичности. Более того, долгий период времени, на протяжении которого территория современной Республики Беларусь находилась в составе сначала Российской империи, а затем СССР, позволяет белорусам считать русский язык родным без какого-либо ущерба для этнической идентификации. По этой причине для многих белорусов использование исключительно белорусского языка невозможно. Совокупность этих факторов предопределила установление государственного двуязычия в Республике Беларусь в конце XX в.

[39] Там же.

Список литературы

Горицкая О. С. Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск : Минский государственный лингвистический университет, 2021. 300 с.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. Москва : Флинта, 2021. 360 с. EDN YXRWQF

Лавицкий А. А. Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Том 19. № 1. С. 77-85. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85. EDN XDRYFD

Маслова В. А., Камышева С. Ю. Современная языковая ситуация в Республике Беларусь: особенности и проблемы // Социолингвистика. 2023. № 1. С. 49-59. DOI 10.37892/2713-2951-1-13-49-59. EDN SREECV

References

Goritskaya, O. S. (2021). Language and borders: lexical and grammatical specifics of the Russian language in Belarus., 300. Minsk: Minsk State Linguistic University.

Krysin, L. P. (2021). Essays on sociolinguistics., 360. Moscow: Flint. EDN: YXRWQF

Lavitski, A. A. (2022). Genesis of the Republic of Belarus language policy. *Polylinguality and transcultural practices, 19*(1), 77-85. EDN: XDRYFD. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-1-77-85

Maslova, V. A., Kamysheva, S. Yu. (2023). Current language situation in the Republic of Belarus: specificity and problems. *Sociolinguistic studies, 1*, 49-59. EDN: SREECV. https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-13-49-59

Информация об авторе

Мустафина Любовь Руслановна – аспирант, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0007-4939-7052;
e-mail: lu.mu13@mail.ru

Information about the author

Liubov R. Mustafina – postgraduate student, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0007-4939-7052;
e-mail: lu.mu13@mail.ru

Поступила в редакцию 27.05.2025
Принята к публикации 11.06.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 27 May 2025
Accepted 11 June 2025
Published 20 June 2025

Научная статья

Языковая лояльность к этническому языку у представителей общины хауса в Хартуме

https://doi.org/10.31483/r-138701
УДК [811.414.2:316.273](1-926.3)

Осман М. Н.
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0001-6440-881X, e-mail: osman.mahammad@yandex.ru

Резюме. В данной статье представлены результаты комплексного исследования языковой лояльности носителей языка хауса в условиях хартумской городской среды. На основе полевых данных – ста глубинных интервью и анкет, собранных в 2022–2025 гг., анализируются ключевые факторы, влияющие на сохранение этнического языка в диаспоральном сообществе. Особое внимание уделяется межпоколенческой динамике языковых предпочтений, стратегиям языковой социализации и роли языковых установок в процессах идентификации. Анализ языковой лояльности в диаспорной среде хауса показал, что помимо традиционного критерия признания этнического языка родным, важными индикаторами выступают практики сохранения культурного наследия. В хартумской диаспоре особую роль играет поддержание песенных традиций и просмотр зарубежных фильмов на языке хауса, а также регулярные встречи представителей общины. Для большинства респондентов родной язык выполняет преимущественно символическую функцию, служа маркером групповой идентичности и носителем культурных ценностей. В целом же результаты демонстрируют сложную картину языкового сдвига, где традиционная триада «дом-улица-школа» под влиянием урбанизационных процессов претерпевает значительные трансформации. Исследование вносит существенный вклад в понимание механизмов языковой устойчивости в условиях арабско-африканского языкового контакта.

Ключевые слова: этническая идентичность, диаспора, внутренняя диаспора, языковой сдвиг, языковая лояльность, хауса, языковая идеология, городская социолингвистика, Судан.

Для цитирования: Осман М. Н. Языковая лояльность к этническому языку у представителей общины хауса в Хартуме // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 18-25. DOI 10.31483/r-138701. EDN EUHBEI

Research Article

Language loyalty to the ethnic language among the Hausa community in Khartoum

Muhammad N. Osman
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0001-6440-881X, e-mail: osman.mahammad@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a comprehensive study of the language loyalty of Hausa speakers in the urban environment of Khartoum. Based on field data collected in 2022–2025 (one hundred in-depth interviews and questionnaires), the key factors influencing the preservation of the ethnic language in the diaspora community are analyzed. Particular attention is paid to the intergenerational dynamics of language preferences, strategies of language socialization, and the role of language attitudes in identification processes. An analysis of language loyalty in the Hausa diaspora environment showed that, in addition to the traditional criterion of recognizing an ethnic language as native, important indicators include practices of preserving cultural heritage. In the Khartoum diaspora, a special role is played by maintaining song traditions and watching foreign films in the Hausa language, and regular meetings of community representatives. For most respondents, the native language performs a predominantly symbolic function, serving as a marker of group identity and a bearer of cultural values. In general, the results demonstrate a complex picture of language shift, where the traditional “home-street-school” triad undergoes significant transformations under the influence of urbanization processes. The study makes a significant contribution to understanding the mechanisms of language stability in the context of Arabic-African language contact.

Keywords: ethnic identity, diaspora, internal diaspora, language shift, language loyalty, Hausa, language ideology, urban sociolinguistics, Sudan.

For citation: Osman M. N. (2025). Language loyalty to the ethnic language among the Hausa community in Khartoum. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7* (2), 18-25. EDN: EUHBEI. https://doi.org/10.31483/r-138701.

Введение

Языковая лояльность представляет собой сложный социолингвистический феномен, охватывающий систему позитивных установок, эмоциональной привязанности и практического использования языка его носителями. Как отмечают некоторые лингвисты, устойчивость языка напрямую зависит от степени его символической и функциональной значимости в глазах языкового сообщества[1] [Мелкумов, Недельчева, Прахт, Усынина, Лукьянчикова, 2022]. В условиях глобализации и урбанизации этнические языки, не обладающие официальным статусом, особенно уязвимы перед лицом доминирующих языков, что ставит вопрос о механизмах сохранения языковой идентичности в диаспоральных сообществах.

В словаре социолингвистической терминов языковая лояльность определяется как внутренняя оценка языковым сообществом коммуникативного потенциала и социального престижа родного языка, что формирует степень приверженности его использованию[2] (см. также: Трошина, 2019). Эта приверженность про-

[1] Crystal D. Language death. Cambridge : Canbridge university press, 2000. P. 81.

[2] Словарь социолингвистических терминов / ответственный редактор В. Ю. Михальченко. Москва, 2006. С. 261.

является не только в повседневных практиках, но и в стремлении передать язык следующим поколениям, несмотря на давление более распространенных языков. Э. Д. Сулейменова и Ж. С. Смагулова подчеркивают, что языковая лояльность включает способность сообщества сопротивляться ассимиляции, сохраняя этнический язык как маркер идентичности даже в условиях его ограниченного функционального применения[3] (см. также: Куцаева, 2020).

Критерии языковой лояльности варьируются в зависимости от социального контекста. В городской среде, где доминирует язык большинства, лояльность к этническому языку часто принимает символический характер, выражаясь в признании его родным даже при ограниченном владении. В сельских же сообществах, где язык сохраняет коммуникативную функцию, лояльность носит более практический характер. Важную роль играют также возрастные и гендерные факторы: старшее поколение, как правило, демонстрирует большую приверженность языку, чем молодежь, а женщины часто выступают основными хранительницами языковых традиций в семье[4].

Согласно ряду исследований, уровень и тип языковой лояльности выступают в качестве важнейшего критерия витальности языка[5]. Каталонские лингвисты разработали типологию языковой лояльности, основанную на двух ключевых параметрах: языковой компетенции и сферах использования языка. В рамках данной типологии выделяются четыре основных типа лояльности: инструментальная первичная, связанная с бытовым использованием языка; инструментальная вторичная, отражающая его применение в профессиональной и официальной сферах; инструментальная письменная, характеризующая владение письменной формой языка; и эвалюативная (оценочная), выражающая эмоционально-ценностное отношение к языку.

Комбинация этих типов формирует пять моделей языкового поведения. Первая модель – лояльные носители – объединяет индивидов с высокой языковой компетенцией и позитивной оценкой языка. Вторая модель – прагматичные пользователи – включает тех, кто активно использует язык при ограниченном владении его письменной формой, но сохраняет положительное к нему отношение. Третья модель – компетентные, но критически настроенные носители – характеризуется хорошим владением языком при негативном отношении к его инструментальным функциям. Четвертая модель – идеализаторы – предполагает низкий уровень практического использования языка при высокой символической значимости. Пятая модель – ассимилированные носители – отличается полным отсутствием лояльности и отрицательным отношением к языковому планированию[6].

В современной социолингвистике проблема языковой лояльности рассматривается через призму нескольких взаимосвязанных теоретических подходов. Теория языкового сдвига акцентирует внимание на ключевых доменах языкового использования, таких как семья, религия и экономическая деятельность, где этнический язык может сохраняться даже в условиях общего упадка[7] (см. также: Агранат, 2024). Концепция языковой идеологии помогает понять, как представления о престиже и полезности языка влияют на реальные языковые выборы его носителей[8] (см. также: Раевская, 2019). Модель языковой витальности в свою очередь учитывает демографические, институциональные и статусные факторы, определяющие устойчивость языка в долгосрочной перспективе[9] [Лещенко, 2021].

В суданском контексте эти теоретические рамки требуют существенной адаптации. Уникальность языковой ситуации в Судане заключается в сложном переплетении арабо-африканского языкового контакта, внутренних миграционных процессов и глубокого влияния ислама на языковые практики. Арабский язык, обладающий высоким социальным статусом, доминирует в образовании, СМИ и официальной сфере, в то время как языки этнических меньшинств, включая хауса, маргинализируются. В этих условиях изучение языковой лояльности хауса в Хартуме позволяет не только выявить механизмы языкового сдвига, но и понять стратегии сохранения этнической идентичности в условиях внутренней диаспоры.

Материал и методы исследования

Настоящее исследование основано на комплексном подходе, сочетающем количественные и качественные методы. Референтная группа включает более ста респондентов, идентифицирующих себя как этнические хауса и проживающих в Хартуме и его пригородах (Омдурмане, Северном Хартуме). Сбор данных проводился в период с сентября 2022 по февраль 2025 гг. и включал анкетирование, полуструктурированные интервью и включенное наблюдение.

Анкетирование позволило выявить общие тенденции в языковых предпочтениях разных возрастных и социальных групп, в то время как глубинные интервью дали возможность зафиксировать субъективные оценки респондентов, их отношение к языку и стратегии его передачи детям. Все интервью проводились на арабском языке (основном языке повседневного общения респондентов) с последующим переводом на русский для анализа. Особое внимание уделялось межпоколенческим различиям, что позволило проследить динамику языкового сдвига в диаспоральном сообществе.

[3] Сулейменова Э. Д., Смагулова Ж. С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. Алматы : Казак университет, 2005. С. 294.

[4] Кондрашкина Е. А. Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России // Язык и общество в современной России и других странах. Москва, 2010. С. 185-188.

[5] Москвичева С. А. Типы языковой лояльности: на примере карельского языка в Республике Карелия // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Москва, 2014. С. 479.

[6] Там же. С. 482-483.

[7] Fishman J. A. Reversing language shift: theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon (England), Philadelphia : Multilingual Matters, 1991. XIII, 413 p.

[8] Woolard K. Language Ideology as a Field of Inquiry // Language Ideologies: practice and theory. New York : Oxford University Press, 1998. P. 3–48.

[9] Giles H. Language, ethnicity and intergroup relations. London : Academic Press, 1977. XIII, 370 p.

Результаты исследования и их обсуждение

Аспекты языковой лояльности

Хауса – один из крупнейших народов Западной Африки, чья история тесно связана с транссахарской торговлей и распространением ислама. Их миграция в Судан, начавшаяся еще в доисламский период, значительно усилилась в XIV–XVI вв., когда хауса стали активными участниками торговых и религиозных сетей, связывающих Западную Африку с Ближним Востоком. В Судане они сыграли важную роль в распространении ислама, основав коранические школы и участвуя в формировании местных мусульманских элит.

Колониальный и постколониальный периоды принесли новые вызовы. Хауса, как и другие этнические группы, столкнулись с политикой арабизации, что ограничило использование их языка в публичной сфере. Внутренние конфликты и экономические кризисы второй половины XX в. в Судане спровоцировали новую волну миграции хауса в столицу страны, Хартум, где они образовали компактные общины, сохраняющие элементы традиционной культуры.

Современная численность хауса в Судане остается предметом дискуссий. По разным оценкам, она составляет от пяти до восьми миллионов человек, что делает их одной из крупнейших этнических групп страны. Однако отсутствие официального статуса языка хауса и доминирование арабского и английского в ключевых сферах жизни создают серьезные угрозы для его сохранения, особенно в городской среде. Это делает исследование языковой лояльности хауса в Хартуме особенно актуальным, позволяя понять, как этнический язык адаптируется к условиям внутренней диаспоры.

Этнические аспекты выбора партнера

Большинство опрошенных представителей народности хауса в Хартуме являются уроженцами сельских районов Судана, где они формируют компактные общности. В рамках нашего исследования были опрошены сто респондентов, из которых 73 находятся в браке. К участию привлекались как представители первого поколения, прибывшие в столицу из различных регионов страны, так и второго поколения, их потомки, рожденные главным образом в семьях, где оба родителя или хотя бы отец относят себя к хауса. Согласно традиционным нормам Судана, в смешанных семьях этническое происхождение ребенка наследуется от отца, следовательно, если отец не принадлежит к народу хауса, то и ребенок также не считается хауса. Каждый участник опроса однозначно заявил о принадлежности к этнической группе хауса.

В ходе исследования выяснилось, что представители старшего возраста (от 41 года и старше) гораздо чаще выбирают партнеров из своей этнической среды, тогда как молодое поколение (18–40 лет) проявляет большую терпимость к межэтническим брачным союзам. Среди представителей первого поколения (39 человек, находящихся в браке) преобладает тенденция к выбору супруга из собственной этнической группы, причем эта особенность наиболее отчетливо проявляется в возрастной категории от 41 до 50 лет и старше (табл. 1). Многие из них приехали в Хартум, уже будучи семейными людьми, или познакомились с будущим супругом через земляческие связи. В последние годы такие знакомства часто происходят на культурных мероприятиях, таких как свадьбы, праздники или встречи общины.

Те, кто состоит в браке с представителями других этнических групп, чаще всего познакомились с супругом в Хартуме, где межэтнические браки становятся более распространенными среди молодежи: «Я женился на арабке, но для меня важно, что она уважает мои корни. Мы говорим дома по-арабски, но дети знают, что они хауса» (Ахмед М., 64); «Моя жена – хауса, мы познакомились через родственников. Для меня важно, чтобы дети знали наш язык и традиции» (Абдуллах С., 58).

Во втором поколении хауса уже не придают такого значения этнической принадлежности супруга, хотя многие родители по-прежнему выражают предпочтение своим.

Молодые респонденты, особенно те, кто родился или вырос в Хартуме, чаще вступают в смешанные браки: «Моя жена – арабка, но я стараюсь говорить с детьми и на хауса. Правда, у них больше получается арабский» (Ибрагим С., 32); «Моя жена – фулани, но она тоже знает хауса. Мы иногда говорим с детьми и на хауса, но обычно общаемся с ними на арабском» (Якуб А., 37); «Я еще не женат, но планирую жениться в ближайшее время, если даст Аллях. Необязательно должна быть из племени хауса. Среде не прикажешь» (Салих Б., 26).

Формирование этнической идентичности детей и отношение к браку внутри этноса

В анкетировании учитывались ответы на вопрос о национальности детей (табл. 3). Этот опрос вызывал разнообразные реакции. В первом поколении 38 человек имеют детей, а во втором – 29. В семьях, где оба родителя хауса, дети всегда идентифицируются как хауса, даже если слабо владеют языком: «Конечно, они хауса! Это наша кровь, наш язык, наша культура» (Фатима С., 59); «Мои дети – хауса, даже если они больше говорят по-арабски. Это наша кровь» (Халима А., 45)».

В смешанных браках (хауса-араб) дети чаще записываются как арабы, особенно если отец – араб. Однако в возрастной группе до 40 лет наблюдается тенденция к сохранению этнической идентичности: «Мои дети родились здесь, в Хартуме, но они хауса. Они знают наш язык, наши обычаи» (Халид М., 35); «В документах пишем “хауса” потому, что я хауса, но я не настаиваю. Главное, чтобы они знали свои корни» (Тауфиг Т., 30).

Во втором поколении (29 человек с детьми) также почти все респонденты назвали национальность своих детей как хауса, за исключением случаев, когда отец был представителем другой этнической группы, что является нормой при определении национальности детей в Судане (табл. 4): «Мой муж из племени масалит. Соответственно, наши дети идут по отцовской линии. Они не говорят на хауса, но немного понимают. Я учу их потихоньку» (Муздалифа О., 32).

Отношение респондентов к межэтническим бракам собственных детей неоднозначное (табл. 5). Большинство участников опроса считают неважным этнос избранника своих детей, полагая, что партнерство должно определяться самими детьми.

Тем не менее некоторые участники исследования, чаще всего женщины, акцентируют внимание на значимости выбора представителя народа хауса в качестве супруга для поддержания этнической идентичности своей семьи: «Я бы хотела, чтобы мой сын женился на хауса. Так проще – один язык, одни традиции» (Аиша Н., 45).

Молодежь относится к межэтническим бракам более либерально: «Главное, чтобы человек был хороший. Если захочет выучить хауса, буду рад» (Мухаммад Б., 25).

Во втором поколении лишь двое из опрошенных (29 человек с детьми) родителей выразили предпочтение к браку внутри этноса: «Конечно, я бы хотел, чтобы мои дети создали семью с хауса. Это не просто вопрос языка или традиций – когда люди из одного народа, они лучше понимают друг друга с самого начала. Моя жена – арабка, и мы счастливы, но иногда чувствую, как много теряют наши дети, не зная в полной мере культуру моих предков. Если мой сын женится на хауса, хотя бы часть нашей идентичности сохранится в его семье» (Малик И., 48).

Таблица 1. *Национальность супруга / супруги среди хауса первого поколения (из них 39 – состоят в браке)*
Table 1. *Nationality of spouse among first generation Hausa (of whom 39 are married)*

Национальность супруга	Возрастные когорты, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	61+
Хауса	2	9	7	6	8
Другая	2	3	1	–	1

Таблица 2. *Национальность супруга/супруги среди хауса второго поколения (из них 34 состоят в браке)*
Table 2. *Nationality of spouse among the second generation Hausa (of whom 34 are married)*

Национальность супруга	Возрастные когорты, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	61+
Хауса	1	5	8	1	1
Другая	4	10	4	0	0

Таблица 3. *Национальность детей среди хартумских хауса первого поколения (38 человек)*
Table 3. *Nationality of children among the first generation of Khartoum Hausa (38 people)*

Национальность детей	Возрастные когорты, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	61+
Хауса	2	11	8	6	9
Другая	–	1	–	–	–
Затрудняюсь ответить	1	–	–	–	–

Таблица 4. *Национальность детей среди хартумских хауса второго поколения (29 человек)*
Table 4. *Nationality of children among the second generation of Khartoum Hausa (29 people)*

Национальность детей	Возрастные когорты, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	61+
Хауса	1	11	11	1	1
Другая	1	2	1	–	–
Затрудняюсь ответить	–	–	–	–	–

Таблица 5. *Предпочтения по национальности супруга для детей (первое поколение, 38 человек)*
Table 5. *Preferences by nationality of spouse for children (first generation, 38 people)*

Предпочтение	Возрастные когорты, лет				
	20–30	31–40	41–50	51–60	61+
Хауса	–	3	2	3	2
Другая	–	–	1	–	–
Не имеет значения	3	7	6	12	6

Языковая лояльность

Признание языка хауса родным. Понятие *родной язык* в суданском контексте часто смешивается с этнической принадлежностью. Как показано в таблице 6, большинство респондентов первого поколения (47 человек) назвали хауса родным языком, даже если в повседневной жизни они используют арабский: «Мой родной язык – хауса, потому что на нем говорили мои родители. Даже если я теперь чаще говорю по-арабски, хауса – это часть меня» (Амина Х., 63, первое поколение); «В школе мы учили арабский, но дома всегда говорили на хауса. Для меня оба языка родные» (Рабиха А., 25, первое поколение).

Во втором поколении ситуация меняется: большинство молодых респондентов называют родным языком арабский и хауса. Таким образом хауса остается важным маркером идентичности, даже если его использование ограничено: «Я говорю на арабском, но мой коренной язык – хауса. Я учу его через нигерийские фильмы и общение со старшими родственниками» (Амина А., 22, второе поколение); «Я понимаю хауса, но плохо говорю. Все равно он для меня родной, как и арабский» (Хадиджа Х., 23, второе поколение).

Страх потери языка и языковые предпочтения. Большинство респондентов старшего возраста как первого, так и второго поколений не боятся забыть свой этнический язык, но обеспокоены тем, что их дети его не знают (табл. 7): «Я не забуду хауса, но мои дети его почти не понимают. Мы живем в арабской среде» (Айша З., 45, первое поколение); «Я не забываю хауса, но дети уже предпочитают арабский» (Маймуна Х., 55, первое поколение); «Если не говорить на хауса дома, он исчезнет. Поэтому я учу детей» (Зейнаб Ш., 38, второе поколение).

Молодежь тоже относится осознанно к вопросу потери этнического языка: «Я не боюсь забыть язык, потому что слушаю музыку хауса каждый день» (Омар М., 20, первое поколение); «Я плохо знаю язык хауса, потому что мои родители очень редко говорили со мной на нем. Но я стараюсь самостоятельно выучить этот язык. Сейчас часто общаюсь с иностранными студентами из Нигерии, Нигера, Бенина, которые учатся в нашем университете [Всемирном африканском университете, Хартум]. Думаю, со временем мой уровень улучшится» (Ахмед Х., 34, второе поколение).

Языковые приоритеты детей. Что касается языков, которые респонденты считают необходимыми для детей, то здесь доминирует арабский, но хауса также упоминается как важный элемент идентичности: родители хотят, чтобы дети знали хауса, но признают приоритет арабского и английского (табл. 8): «Арабский нужен для жизни, английский – для работы, а хауса – для души» (Халид М., 35, первое поколение); «Хауса не преподают в школе, но я часто вожу детей к бабушке в Синнар» (Захра О., 33); «Пусть дети сначала выучат арабский и английский, а хауса... если захотят» (Лейла Г., 28, второе поколение).

Отношение к преподаванию хауса. Большинство респондентов поддерживают идею курсов хауса и многие готовы ходить на них или отправить своих детей (табл. 9): «Если бы хауса был в школе, детям было бы проще его учить» (Ибрагим К., 44, первое поколение); «Курсы – это хорошо, но школа дала бы больше возможностей» (Юсуф К., 29, первое поколение); «Мне стыдно что плохо знаю хауса. Я пытаюсь выучить язык потому, что хочу говорить с бабушкой на ее языке» (Карим А., 19 лет, второе поколение).

Некоторые активисты уже организовывают неформальные уроки на каникулах: «Мы учим молодежь писать на хауса. Латинский алфавит несложный, главное – практика» (Абдулрахман Б., 35, первое поколение); «Сейчас говорят: “Мы все суданцы”. Наша сила – в том, что мы и африканцы, и арабы. Хауса – часть этого богатства» (Фарид М., 32 года, второе поколение).

Таблица 6. *Родной язык среди хауса первого и второго поколений*
Table 6. *Mother tongue among first and second generation Hausa*

Возрастные когорты, лет	Хауса	Арабский	Хауса и арабский
Первое поколение (47 человек)			
18–30	8	3	5
31–40	16	3	6
41–50	7	3	2
51–60	13	2	4
61+	6	5	1
Второе поколение (53 человека)			
18–30	2	7	8
31–40	3	6	13
41–50	2	3	7
51–60	–	–	1
61+	–	–	1

Таблица 7. *Страх потери языка среди двух поколений*
Table 7. *Fear of language loss among two generations*

Возрастные когорты, лет	Да, есть страх	Нет страха	Нейтральное отношение
Первое поколение			
18–30	2	9	–
31–40	1	10	2
41–50	–	7	1
51–60	–	6	–
61+	–	9	–
Второе поколение			
18–30	1	14	2
31–40	3	17	2
41–50	–	11	1
51–60	–	1	–
61+	–	1	–

Таблица 8. *Какие языки важны для детей?*
Table 8. *Which languages are important for children?*

Возрастные когорты, лет	Только арабский	Арабский + хауса	Арабский + английский	Все три
Первое поколение (47 человек)				
20–30	–	–	5	6
31–40	–	–	5	8
41–50	–	1	1	7
51–60	–	–	1	5
61+	–	2	1	6
Второе поколение (53 человека)				
18–30	–	–	6	11
31–40	–	1	8	13
41–50	–	–	2	10
51–60	–	–	–	1
61+	–	–	–	1

Таблица 9. *Отношение респондентов к курсам хауса*
Table 9. *Respondents' attitudes towards Hausa courses*

Возрастные когорты, лет	Поддерживают	Против	Нейтральное отношение
Первое поколение			
20–30	11	–	–
31–40	10	1	2
41–50	7	–	1
51–60	6	–	–
61+	9	–	–
Второе поколение			
18–30	10	2	5
31–40	15	1	6
41–50	10	–	2
51–60	1	–	–
61+	1	–	–

Выводы

Проведенное исследование выявило значительные возрастные различия в восприятии языка хауса как этнического маркера. Среди представителей старшего поколения язык продолжает оставаться ключевым элементом этнической идентификации, тогда как молодежь в возрасте 18–30 лет демонстрирует ослабленную связь с родным языком. Это объясняется двумя основными факторами: ограниченным владением языком хауса среди молодых респондентов и доминирующим влиянием арабского и английского языков в образовательной и повседневной коммуникации Хартума.

Анализ языковой лояльности в диаспорной среде хауса показал, что помимо традиционного критерия признания этнического языка родным, важными индикаторами выступают практики сохранения культурного наследия. В хартумской диаспоре особую роль играет поддержание песенных традиций и просмотр зарубежных фильмов на языке хауса, а также регулярные встречи представителей общины. Примечательно, что для большинства респондентов родной язык выполняет преимущественно символическую функцию, служа маркером групповой идентичности и носителем культурных ценностей.

Несмотря на отсутствие системной институциональной поддержки, наблюдаются позитивные тенденции в языковом поведении молодого поколения. Молодые носители активно используют цифровые ресурсы, медиаплатформы и создают неформальные образовательные инициативы для изучения и популяризации языка хауса.

Как отмечается в документе ЮНЕСКО о языковой витальности и угрозе (2003), подобное отношение к языку, когда сообщество одновременно признает его ценность, но ограничивает сферы использования, характерно для многих языковых меньшинств: «члены языковой общины обычно не относятся нейтрально к своему языку. Они могут рассматривать язык как чрезвычайно важный для их общества, идентифицировать себя с ним и продвигать его; они могут использовать язык, не продвигая его; они могут стесняться его и, соответственно, не продвигать его; или же они могут видеть в нем помеху и всячески избегать употребления данного языка»[10]. По шкале языковой витальности ЮНЕСКО, составленной для восьмого фактора – отношение членов общины к своему языку – хартумская диаспора хауса демонстрирует высокий (четыре из пяти) уровень языковой лояльности. Большинство членов общины поддерживают сохранение родного языка, рассматривая его как важный элемент культурного наследия. Однако прагматическое отношение к арабскому и английскому языкам как инструментам социальной мобильности приводит к ограниченной трансляции языка хауса младшим поколениям.

В соответствии с уровнями лояльности к языку, предложенными в статье С. Москвичевой[11], в ходе исследования мы выявили, что большинство респондентов положительно относятся к своему языку, хотят его сохранить и стараются совершенствовать свои навыки владения им. Большинство респондентов в нашей выборке представляются в качестве лояльных носителей (с высокой языковой компетенцией и позитивной оценкой языка) и прагматичных пользователей (активно используют язык при ограниченном владении его письменной формой, но сохраняют положительное к нему отношение).

Несколько иная ситуация наблюдается среди молодого поколения. Существует группа идеализаторов с низким уровнем практического использования языка, для которых он тем не менее обладает высокой символической значимостью. Как правило, это выходцы из крупных населенных пунктов или состоящие в этнически смешанных браках и дети из смешанных браков, при этом у них есть желание выучить язык хауса. Крайне ограниченно действует группа компетентных носителей этнической культуры с высоким уровнем языковой компетенции, являющая собой выходцев из деревень, из малых населенных пунктов, знающие язык хауса с детства, но использующие его сейчас весьма ограниченно в силу прагматических причин. В ходе исследования не была выявлена группа ассимилированных респондентов. Люди данной когорты, как правило, не выражают никаких типов лояльности, которые бы оценивались положительно. Они обычно против языкового планирования в векторе нормализации.

Отсутствие в выборке ассимилированных респондентов и наличие активных языковых практик позволяют прогнозировать сохранение языка хауса в хартумской диаспоре на среднесрочную перспективу.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом эффективности цифровых инициатив по поддержанию языка, а также изучением динамики языковых установок в условиях меняющейся социально-политической ситуации в регионе. Особого внимания заслуживает вопрос межпоколенческой трансляции языка в условиях роста числа этнически смешанных браков.

Для поддержания и развития выявленного потенциала языковой лояльности мы рекомендуем разработку комплексных программ по изучению языка хауса, сочетающих традиционные и цифровые форматы обучения; создание и поддержку медиаконтента на языке хауса, включая радио, подкасты и социальные сети; системную поддержку культурных инициатив общины – фестивалей, литературных конкурсов, музыкальных проектов.

[10] Language vitality and endangerment. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000183699?posInSet=5&queryId=N-EXPLORE-55a6f322-253c-4a66-9110-febd547a3546 (дата обращения : 01.05.2025).

[11] Москвичева С. А. Указанное сочинение. С. 482-483.

Список литературы

Агранат Т. Б. Языковая лояльность, языковые идеологии, установки и практики в общинах горских евреев Московского региона // Родной язык. 2024. № 2. С. 38-58. DOI 10.37892/2313-5816-2024-2-38-58. EDN AFFWYQ

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. 2020. № 2. С. 124-150. DOI 10.37892/2313-5816-2020-2-124-150. EDN ZVRBMC

Лещенко О. А. Факторы, влияющие на языковой сдвиг в Дагестане // Социолингвистика. 2021. № 3. С. 124-150. DOI 10.37892/2713-2951-3-7-85-100. EDN PLBSBX

Мелкумов А. А., Недельчева Е. П., Прахт А. В., Усынина П. С., Лукьянчикова К. Р. Проблема исчезновения языкового разнообразия в контексте доминирования языков международного общения // Этнопсихолингвистика. 2022. № 2. С. 62-77. DOI 10.31249/epl/2022.02.05. EDN IXNACE

Раевская М. М. Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 24-35. EDN XNNNZB

Трошина Н. Н. Языковая лояльность в контексте глобализационных процессов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. С. 625-628. EDN TBGODB

References

Agranat, T. (2024). Language loyalty, ideologies, attitudes and practices among mountain jewish communities in the Moscow region. *Mother Tongue, 2*, 38-58. EDN: AFFWYQ. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2024-2-38-58

Kutsaeva, M. V. (2020). Maris in Moscow: diaspora ethnic identity and language loyalty. *Mother Tongue, 2*, 124-150. EDN: ZVRBMC. https://doi.org/10.37892/2313-5816-2020-2-124-150

Leshchenko, O. A. (2021). Factors affecting the language shift in Dagestan. *Sociolinguistic studies, 3*, 124-150. EDN: PLBSBX. https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-7-85-100

Melkumov, A. A., Nedelcheva, E. P., Prakht, A. V., Usynina, P. S., Lukianchikova, K. R. (2022). The problem of disappearing linguistic diversity in the context of dominant world languages. *Ethnopsycholinguistics, 2*, 62-77. EDN: IXNACE. https://doi.org/10.31249/epl/2022.02.05

Raevskaya, M. M. (2019). Language ideology as a mental model and research paradigm. *Moscow State University bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 2*, 24-35. EDN: XNNNZB

Troshina, N. N. (2019). Linguistic loyalty in the context of globalization processes., 625-628. Greater Eurasia: development, security, cooperation. EDN: TBGODB

Информация об авторе

Осман Мухаммад Нух Мухаммад – аспирант,
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6440-881X;
e-mail: osman.mahammad@yandex.ru

Information about the author

Muhammad N. Osman – postgraduate student,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6440-881X;
e-mail: osman.mahammad@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.05.2025
Принята к публикации 25.05.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 05 May 2025
Accepted 25 May 2025
Published 20 June 2025

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-127424
УДК 811.512.145'37

Сомакомпонент baş 'голова' во фразеологии и паремиях добруджанских татар и татар Поволжья (функционально-семантический анализ)

Тагирова Ф. И.[a], **Сабитова И. И.**[b]
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4081-6456, e-mail: feride2412@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0002-8082-3906, e-mail: sabitova_1965@mail.ru

Резюме. В статье анализируются функционально-семантические особенности бытования компонента-сомонима «baş» (голова) во фразеологии и паремиях добруджанских татар и татар Поволжья в сравнительном аспекте. Иллюстративный материал для сравнения с татарским литературным языком отобран из специальных и толковых словарей и сборников фольклора. В работе используется метод фукционально-семантического анализа, а также анализ фразеологизмов сравниваемых языков на предмет сходства плана внутреннего семантического содержания и плана лексического выражения. Известный тезис о консервативности и устойчивости лексики, обозначающей части тела, находит свое подтверждение и на данном материале. Результаты анализа словаря Надрата Махмута и Анвара Махмута «Atalar sözi», а также фактического материала из других источников, свидетельствуют о том, что фразеологизмы румынских татар с сомонимом «baş» имеют как полные, так и частичные параллели в татарском литературном языке. В данной статье авторы пытаются на конкретных примерах продемонстрировать сходство лексико-семантических процессов и лингвокультурное сходство сравниваемых идиомов. Оно просматривается в сравниваемых фразеологических единицах и в плане выражения, и в плане содержания, что позволяет судить об общих корнях. Наблюдаемые различия в первую очередь обусловлены тем, что формирование лингвокультуры идиомов долгое время происходило врозь, в окружении различных культур.

Ключевые слова: семантика, лексика, фразеологизм, татарский язык, соматизм, добруджататарский язык.

Для цитирования: Тагирова Ф. И. Сомакомпонент baş 'голова' во фразеологии и паремиях добруджанских татар и татар Поволжья (функционально-семантический анализ) / Ф. И. Тагирова, И. И. Сабитова // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 26-30. DOI10.31483/r-127424. EDN JKBVDQ

Research Article

The somonym component baş 'head' in the phraseology and proverbs of the Dobrujan Tatars and the Volga Tatars (functional-semantic analysis)

Fyaridya I. Tagirova[a], **Ilgamiya I. Sabitova**[b]
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4081-6456, e-mail: feride2412@mail.ru
[b] https://orcid.org/0009-0002-8082-3906, e-mail: sabitova_1965@mail.ru

Abstract. The article analyzes the functional and semantic features of the existence of the component-somonym "baş" (head) in the phraseology and proverbs of the Dobrudzha Tatars and the Volga Tatars in a comparative aspect. Illustrative material for comparison with the Tatar literary language was selected from special and explanatory dictionaries and collections of folklore. The work uses the method of functional-semantic analysis, as well as the analysis of phraseological units of the compared languages for the similarity of the plan of internal semantic content and the plan of lexical expression. The well-known thesis on the conservatism and stability of vocabulary denoting parts of the body is confirmed by this material. The results of the analysis of the dictionary of Nadrat Mahmut and Anvar Mahmut "Atalar sözi", as well as factual material from other sources, indicate that the phraseological units of the Romanian Tatars with the somonym "baş" have both full and partial parallels in the Tatar literary language. In this article, the authors try to demonstrate the similarity of lexical-semantic processes and the linguacultural similarity of the compared idioms using specific examples. It can be seen in the compared phraseological units both in terms of expression and in terms of content, which allows us to judge their common roots. The observed differences are primarily due to the fact that the formation of the linguaculture of idioms took place separately for a long time, surrounded by different cultures.

Keywords: semantics, vocabulary, somatism, phraseological unit, Tatar language, Dobrujan Tatar language.

For citation: Tagirova F. I., & Sabitova I. I. (2025). The somonym component baş 'head' in the phraseology and proverbs of the Dobrujan Tatars and the Volga Tatars (functional-semantic analysis) *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture,* 7(2), 26-30. EDN: JKBVDQ. https://doi.org/10.31483/r-127424.

Введение

Во фразеологии разных языков много общего, однако для каждого языка характерна своя национальная специфика, которая проявляется в оттенках значения, образной составляющей, лексическом составе. Это обусловлено тем, что фразеологизмы аккумулируют в себе маркеры, связанные с процессом историко-культурного развития именно данного народа. В них закрепляются образ мышления и метафоризации окружающего мира, ценностные ориентиры, табу, традиции и обычаи, национально-культурные особенности общественной и духовной жизни людей, их мировоззрения, быта, психологии.

В свое время значительный вклад в изучение татарской фразеологии внесли такие ученые, как Л. Заляй[1], Г. Х. Ахунзянов[2], Г. Х. Ахатов[3]. В настоящее же время сопоставительное и сравнительное изучение фразеологических единиц разных языков является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений во фразеологии[4] (см. также: Ахмади, Алияри Шорехдели, Хаэри, 2020; Дин, 2023). Это касается и татарского языкознания, где значительное количество работ посвящено сопоставлению фразеологических единиц татарского языка с фразеологическими единицами других языков, например, работы А. А. Гимадиевой[5], Г. Р. Ганиевой[6]. Еще более важными нам представляются работы, анализирующие фразеологизмы родственных языков, с целью выявления семантических процессов, изменений, обусловленных культурными наслоениями, особенностей употребления.

Так как соматическая лексика в большинстве своем является наиболее древним пластом, она издавна укоренилась во фразеологизмах, пословицах и поговорках, наиболее часто и разноплановo используется в текстах различных фольклорных жанров, в художественной литературе и разговорной речи. Поэтому фразеологические единицы с компонентами-соматизмами дают наиболее интересные результаты и при анализе в плане ее семантического развития в генетически родственных языках, и в плане лингвокультурологического содержания. Этого же мнения придерживается ряд исследователей, утверждающих, что «в семантической структуре соматических фразеологических единиц накапливается запас архаичных знаний, необходимых человеку для самопознания и познания через себя других объектов мира. Следовательно, их мотивационная основа, образно-фоновая основа и значение неразрывно связаны с культурными стандартами и стереотипами, отражающими национальные особенности восприятия и видения, национальные особенности образного восприятия и знания родного языка» [Sagidolda, Abdymaulen, 2023, с. 9]. Такими же результативными и важными являются сравнительные исследования с привлечением лексико-фразеологического материала из диалектов и говоров татар, проживающих в различных регионах России и за рубежом [Усеинов, 2020]. Нами также ранее предпринимались попытки таких исследований[7] [Сабитова, 2023; Тагирова, Сабитова, 2024].

Первой работой, посвященной собственно фразеологии с компонентом-соматизмом, является диссертационное исследование Ф. О. Вакка, выполненное на материале эстонского языка. Он пишет: «Такого рода фразеологический материал принадлежит к основному фонду фразеологизмов эстонского языка, являясь одним из древнейших пластов устойчивых словосочетаний»[8].

В последнее время во многих языках, в том числе в тюркских, наблюдается некий рост научного интереса к исследованию соматических фразеологизмов. Так, можно отметить работы А. Г. Абрамовой[9], И. У. Аджиевой[10], С. В. Кечил-оола и О. Саая[11]. Разрабатывается фразеология крымско-татарского языка. Например, работы Э. С. Ганиевой[12], З. Э. Мамутовой[13], А. М. и С. А. Куртсеитовых[14], [Куртсеитов, 2021] заслуживают внимания. Некоторыми авторами, например, З. Э. Мамутовой, дается даже обзор существующих работ по данной проблематике. Все же нам представляется, что этого количества исследований недостаточно для системного описания целостной фразеологической картины мира, поэтому работы, освещающие данную проблему, являются весьма актуальными.

Материалы и методы исследования

В данной статье мы задались целью выявить функционально-семантические особенности бытования фразеологизмов с компонентом-сомонимом *baş / баш* ‘голова’ в языке добруджанских татар и татар Поволжья. Основным источником добруджанскотатарского материала послужил словарь «Atalar sözi» («Пословицы»), подготовленный известными крымско-татарскими учеными Недретом Махмутом и Энвером Махмутом

[1] Җәләй Л., Борһанова Н. Б., Мәхмүтова Л. Т. Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1957. 247 б.

2 Ахунҗанов Г. Х. Татар теленең идиомалары. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1972. 119 б.

3 Әхәтов Г. Х. Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлеге. Казан : Татарстан китпа нәшрияты, 1982. 178 б.

[4] Абрамова А. Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков) : диссертация ... кандидата филологически наук : 10.02.20. Чебоксары, 2005. 181 с.

[5] Гимадеева А. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование : автореферат диссертации ... кандидата филологически наук : 10.02.02, 10.02.20. Казань, 2011. 26 с.

[6] Ганиева Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20. Казань, 2010. 21 с.

[7] Тагирова Ф. И., Габбазова Р. Ф. Топонимы в составе фразеологических единиц татарского и французского языков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2015. № 2. С. 121–127; Сабитова И. И. Соматизмы в сказках татар Добруджа и их параллели в татарском языке // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2019. № 3–4. С. 26-30.

[8] Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Таллин, 1964. С. 4.

[9] Абрамова А. Г. Указанное сочинение.

[10] Аджиева И. У. Соматические фразеологические единицы чеченского и русского языков в сопоставительном аспекте : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20. Махачкала, 2013. 24 с.

[11] Кечисл-оол С. В., Саая О. М. Фразеологизмы с компонентом чурек «сердце» в тувинскоми в русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5. С. 344-346.

[12] Ганиева Э. С., Исмаилова С. А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в крымско-татарском и английском языках: лингвокультурологический аспект // Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры. 2016. № 3. С. 25-29.

[13] Мамутова З. Э. Типы фразеологических синонимов в крымско-татарском языке (на материале соматической фразеологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-2. С. 121–123; Мамутова З. Э. Семантические поля в крымско-татарской соматической фразеологии // Крымско-татарская филология: проблемы изучения и преподавания. 2017. № 1. С. 67-72.

[14] Куртсеитов А. М., Куртсеитова С. А. Частотность употребления соматических фразеологизмов в крымско-татарском и турецком языках // Научный вестник Крыма. 2018. № 3. С. 9.

и изданный в 2004 г. в г. Констанца (Румыния)[15]. Иллюстративный материал для сравнения с литературным татарским языком отобран из специальных и толковых словарей и сборников фольклора[16].

В теоретическом плане мы в первую очередь опирались на указанные выше труды татарских ученых. В методологическом плане нам представляется наиболее адекватным метод фукционально-семантического анализа, который применялся нами и в некоторых предыдущих работах, анализ фразеологизмов сравниваемых языков на предмет сходства плана внутреннего семантического содержания и плана лексического выражения[17].

Результаты исследования и их обсуждение

Добруджататарский язык это – язык татар, в основном выходцев с Крымского полуострова, проживающих в историческом уезде Добруджа в Румынии, большинством исследователей относимый к одному из диалектов крымско-татарского языка, наиболее близкий к его степному (северному, ногайскому) диалекту. Однако некоторые исследователи подчеркивают роль поволжских татар в формировании добруджанских татар как этноса. Так, профессор Тахсин Джамиль, историк, переводчик, дипломат, политик, утверждает, что «в формировании не только языка, но и традиций, фольклора добруджанских татар есть вклад и поволжских, то есть казанских татар» [Gemil, 2021, с. 282–283]. Добруджанские татары иногда называются буджакскими, хотя последний термин несколько шире, чем первый.

В словаре «Atalar sözi», в котором представлено значительное количество фразеологизмов и паремий, зафиксированы единицы с такими компонентами-соматизмами, как *baş* ‘голова’, *moyın* ‘шея’, *til* ‘язык’, *bawır* ‘печень’, *awız* ‘рот’, *kulak* ‘ухо’, *köz* ‘глаз’, *el* ‘рука’, *kol* ‘рука’, *dudak* ‘губа’, *kalp* ‘сердце’, *yürek* ‘сердце’, *ayak* ‘нога’, *bilek* ‘предплечье’, *bel* ‘поясница’, *yüz* ‘лицо’, *parmak* ‘палец’, *töş* ‘грудь’.

В обоих языках среди образных выражений с сомокомпонентами, несомненно, большинство составляют фразеологизмы с лексемой *baş*. Этот факт подтверждается сразу и при обращении к лексикографическим источникам, и при сравнительном анализе фактического материала. Так, только в словаре «Atalar sözi» от общего количества (около 4550) зафиксированных единиц – около 170 единиц с этой лексемой. Считаем, что такая же картина характерна практически всем языкам. Не случайно на активность данного компонента обращают внимание и исследователи других языков. Например, А. В. Егоров, изучающий финно-угорскую соматическую фразеологию, считает: «Данный факт объясняется важностью и значимостью физиологических функций названных частей тела для самого человека»[18]. Действительно, если учесть наличие множества значений самого слова, все то количество дериватов, терминов, фразеологизмов, сравнений, то компонент голова во всех языках будет лидировать по потенциалу образования других единиц языка, по частотности, активности.

Слово *baş / баш* относится к общеалтайскому пласту и является общим для большинства тюркских языков, например, встречается в разных фонетических вариантах в башкирском, уйгурском, казахском, ногайском, каракалпакском, якутском, хакасском, тувинском, алтайском, чувашском тувинском и других языках[19].

Полный параллелизм единиц с сомонимом *baş / баш* и с точки зрения общей семантики, и лексического состава, и функциональных особенностей наблюдается в следующих выражениях: *Baş carılsa börk išínde, kol kırılsa cen išínde / Баш ярылса – бүрек эчендә, кул сынса җиң эчендә* (букв. треснет голова – под шапкой, сломается рука – внутри рукава); *Baş saw bolsa, mal tabılır / Баш сау булса, мал табылыр* (букв. была бы голова цела, а добро найдется); *Başımnı kaşımaga vaktım yok / Баш кашырга да вакыт юк* (букв. некогда (нет времени) даже голову почесать); *Başına tüşken başmakçı bolır / Башына төшкән башмакчы булыр* (букв. если нужда заставит, башмачником станешь); *Başına dewlet koşı kongan / Башына дәүләт кошы кунган* (букв. на его голову села птица богатства); *Başına tartsa ayagına, ayagına tartsa başına cetmiy / Башына тартса, аягына җитми, аягына тартса, башына җитми* (букв. натянет на голову – на ноги не хватает, натянет на ноги – на голову не хватает); *Awırgan başka temir tayak / Авырткан башка тимер таяк* (букв. на больную голову железная палка); *Baş kesmek bolsa da, til kesmek yok / Баш кисмәк булса да, тел кисмәк юк* (букв. голову отрезать можно, язык – нет); *Ayagıň kirmiyecek yerge başıňnı sokma / Аягың кермәгән җиргә башыңны тыкма* (букв. не засовывай голову туда, куда не входит нога); *Tırnagıň bolsa başıň kaşı / Тырнагың булса, башың кашы* (букв. если у тебя есть ноготь, почеши голову).

Другие диалекты крымско-татарского языка также демонстрируют общность плана содержания и плана выражения: *Истер ташны башкъа ур, истер башны ташкъа ур* (букв. хочешь камень о голову ударь, хочешь – голову о камень) [Куртсеитов, 2021, с. 3] / *Башны ташка орып булмый, орсаң да баш ярылыр, таш калыр* (букв. не ударишь головой о камень, а если ударишь, то разобьется только голова) ‘лбом стену не прошибешь’; *башындан чыкъмакъ*[20] / *баштан чыгу* (букв. выйти из

[15] Mahmut N., Mahmut E. Atalar sözi. Köstence : EX PONTO, 2004. 470 b.
[16] Әхәтов Г. Х. Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлеге. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1982. 178 б.; Татар халык иҗаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 1987. 591 б.; Гаффарова Ф. Ф., Саберова Г. Г. Татарча-русча идиомалар сүзлеге. Казан, 2006. 232 б.; Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге : 2 томда. Яр Чаллы : Идел-йорт, 2001; Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: мәкальләр җыелмасы : 3 томда. 2-нче басма. Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2010; Толковый словарь татарского языка : справочное издание. Казань, 2015. 712 с.; Dobruca kırımtatar ağzı sözlüğü : 3 cilt halinde. Köstence, 2011.
[17] Тагирова Ф. И. Маркеры этноспецифической информации в составе фразеологизмов (на примере татарского и удмуртского языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 2. С. 17-20; Тагирова Ф. И., Габбазова Р. Ф. Указанное сочинение; Габбазова Р. Ф., Тагирова Ф. И. Универсальные и национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в татарском и французском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2016. № 1. С. 13-21.
[18] Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской). Екатеринбург-Ижевск : УрО РАН, 2011. С. 54.
[19] Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : 2 томда. Казан : Мәгариф–Вакыт, 2015. Том 1. Б. 165.
[20] Мамутова З. Э. Семантические поля в крымско-татарской соматической фразеологии // Крымско-татарская филология: проблемы изучения и преподавания. 2017. № 1. С. 70.

головы) ‘забыть, запамятовать’; *баш тартмакъ / баш тарту* ‘отказываться’. То есть и обозначаемая информация, и средства ее передачи – сходны.

Существуют также единицы с единой семантикой, но с лексическими вариантами при ее вербализации: *Burnıň kĭrmegen yerge başınňı sokma* (букв. не засовывай голову туда, куда не входит нос) / *Борыныңкермәгән җиргә бармагыңны тыкма* (букв. не суй палец туда, куда не входит нос) / *Бармагың сыймаган җиргә башың тыкма* (букв. не суй голову туда, куда не поместится палец); *Bĭr kazanda ekĭ koy başı kaynamaz* (букв. в одном котле две бараньи головы не варятся) / *Бер казанга ике тәкә башы сыймас* (букв. в один котел две бараньи головы не поместятся) / *Ике тәкә башы бер казанга сыймас* (букв. две бараньи головы в один котел не поместятся).

Одна и та же семантика, аналогичная эмоционально-экспрессивная нагрузка может быть передана и различными языковыми средствами, например: *Tĭl başka beladır* (букв. язык голове беда) / *Tĭlĭnĭ ozın körsetken başın belaga sokar* (букв. кто показал свой язык длинным, у того голова не выйдет из беды) / *Тел әйтер дә качар, башка бәласе калыр* (букв. язык скажет и спрячется, а беда достанется голове). И наоборот – одни и те же или аналогичные языковые средства могут нести совершенно разную смысловую или стилистическую нагрузку. Например: *başı boş* в добруджанском означает ‘свободный, неженатый’, а *буш баш* во многих татарских говорах означает ‘глупый, невежда’; *baştan şıgarmak* ‘втянуть во что-либо плохое, толкнуть на дурной путь’ и *баштан чыгару* ‘выкинуть из головы, забыть’. То есть практически идентичный план выражения демонстрирует полное несоответствие, а иногда и противоположность внутреннего содержания. На это мы ранее обращали внимание в одной из работ: «Сам по себе смысл не обладает какой-либо культурной значимостью, и разные языковые коллективы могут вкладывать в один знак различные, даже противоположные коннотации»[21].

Естественно, как и в любых сравниваемых языках, среди анализируемого материала есть единицы одного языка, вообще не имеющие аналогов в другом. Они тем и различаются, что заключают в себе элементы, не характерные для других лингвокультур. Это могут быть лексемы (или их специфические значения), имена собственные, названия растений и животных, свойственные только для данной местности, термины, связанные с народными промыслами. Различия возникают и просто из разницы в складе мышления, в способах метафоризации окружающего мира, основанных на разных образах и символах: *başına şorap örmek* (букв. вязать носок для головы) ‘заставлять кого-то что-то делать’; *kabak başına patlamak* (букв. над его головой лопнула тыква) ‘подозревали многих, виновным оказался он’. Эти фразеологические единицы являются специфичными для добруджанского идиома. В татарском литературном языке и его диалектах из подобных единиц можно привести следующие: *баш чүмече йомры, сүзе туры* (букв. у него затылок круглый, слова прямые) ‘и умный и прямолинейный’, *башы йомры / түгәрәк* (букв. у него голова круглая) ‘слишком умный, себе на уме’; *башы (түбәсе) тишек* (букв. его голова (темя) дырявая) ‘сообразительный, схватывает на лету’.

[21] Тагирова Ф. И. Указанное сочинение. С. 18.

Выводы

Исследование фразеологии в целом позволяет судить не только об особенностях ее употребления, но и подкрепить фактическим материалом некоторые выводы об основных тенденциях формирования лексико-фразеологического фонда языка. В каждом языке существуют устойчивые выражения, которые так или иначе в структурном, семантическом образно-метофорическом плане сходны или идентичны с единицами в другом языке.

Анализ фразеологизмов показывает, что слово *баş / баш* ‘голова’ обладает в сравниваемых поволжскотатарском и добруджататарском идиомах высокой фраземообразующей активностью.

Большая часть татарских фразеологизмов с сомокомпонентом *баş / баш* ‘голова’ относится к общетюркскому пласту. Фразеологизмы румынских татар с данным компонентом имеют как полные, так и частичные параллели в современном татарском литературном языке и его диалектах. Сходство просматривается в сравниваемых единицах и в плане выражения, и в плане содержания. Нужно отметить, что полных параллелей больше, так как речь идет о древнейшем лексическом фонде, к которому относятся соматизмы. К тому же в языках, принадлежащих к одной языковой группе, в значительном объеме сохранивших общий древний пласт, такой большой процент общности в современном лексико-фразеологическом фонде следует считать вполне логичным и ожидаемым.

Различия, наблюдаемые в незначительном количестве, в первую очередь обусловлены тем, что формирование лингвокультуры сравниваемых идиомов долгое время происходило врозь, в различной культурной среде.

Список литературы

Ахмади М., Алияри Шорехдели М., Хаэри М. Русские фразеологические единицы с соматическим компонентом «голова» в сопоставлении с персидским языком // Преподаватель XXI века. 2020. № 3. С. 428-435. DOI 10.31862/2073-9613-2020-3-428-435. EDN GOTRAC

Дин Л. Русские и китайские фразеологизмы религиозной тематики с компонентами-числительными пять, семь и десять // Litera. 2023. № 7. С. 108-116. DOI 10.25136/2409-8698.2023.7.43595. EDN TMRFRZ

Кечил-оол С. В., Саая О. М. Фразеологизмы с компонентом чурек ‘сердце’ в тувинском и в русском языках // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5. С. 344-346. DOI 10.24412/1991-5497-2021-590-344-346. EDN IDLGTB

Куртсеитов А. М. Структура пословиц, крылатых слов и характерные семантические признаки фразеологизмов в крымско-татарском языке // Научный вестник Крыма. 2021. № 2. С. 1-5. EDN OUZNGL

Сабитова И. И. Сомокомпонентные паремии и фразеологизмы в устном творчестве румынских татар // Фәнни Татарстан. 2023. № 1. Р. 15-23. EDN QFPVDA

Тагирова Ф. И., Сабитова И. И. Некоторые лексико-семантические особенности языка добруджанских татар в сравнении с татарским языком (на примере фольклорных текстов) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 331-340. EDN FZFFRO

Усеинов Т. Б. Этнокультурные стереотипы степных крымских татар и татар Добруджи на основе пословиц рубежа XIX–XX вв. // Филология: научные исследования. 2020. № 1. С. 39–47. DOI 10.7256/2454-0749.2020.1.31971. EDN KVVVZN

Gemil T. Tatarii: relatii cu otomani şi romani. Cluj Napoca : Presa Universitara Clujena, 2021. 430 b.

Sagidolda G. S., Abdymaulen G. A. 'Bas' komponentti somatikalyq frazeologizmderdin lingvomadeni sipaty (turki (qazaq, tatar, bashqurt) jane agylshyn tilderi negizinde) // Iassawi universitetinin habarshysy. 2023. № 1. B. 7-21.

References

Ahmadi. M., Aliyari. Sh. M., Haeri. M. (2020). Russian phraseological units with the somatic component "head" in comparison with the Persian language. *Teacher of the 21st century, 3*, 428-435. EDN: GOTRAC. https://doi.org/10.31862/2073-9613-2020-3-428-435

Ding, L. (2023). Russian and Chinese phraseological units of religious themes with components-numerals five, seven and ten. *Litera, 7*, 108-116. EDN: TMRFRZ. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.7.43595

Kechil-Ool, S. V., Saaya, O. M. (2021). Phraseological units with chyurek 'heart' in Tuvan and Russian. *The world of science, culture, and education, 5*, 344-346. EDN: IDLGTB. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-590-344-346

Kurtseitov, A. M. (2021). Structure of proverbs, winged words and special semantic signs of phraseologists in the *Crimean Tatar language. Scientific Journal of the Crimea, 2*, 1-5. EDN: OUZNGL

Sabitova, I. I. (2023). Seven-component parodies and phraseological units in the oral art of the Romanian Tatars. *Scientific Works, 1*, 15-23. EDN: QFPVDA

Tagirova, F. I., Sabitova, I. I. (2024). Some lexical and semantic features of the language of the Dobrujan tatars in comparison with the Tatar language (on the example of folklore texts). *Theory of Language and Intercultural Communication, 1*, 331-340. EDN: FZFFRO

Useinov, T. B. (2020). Ethnocultural stereotypes of the steppe Crimean Tatars and Dobruja Tatars based on proverbs of the turn of XIX and XX centuries. *Philology: scientific researches, 1*, 39–47. EDN: KVVVZN. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2020.1.31971

Gemil, T. (2021). Tatarii: relatii cu otomani şi romani., 430. Cluj Napoca: Presa Universitara Clujena.

Sagidolda, G. S., Abdymaulen, G. A. (2023). 'Bas' komponentti somatikalyq frazeologizmderdin lingvomadeni sipaty (turki (qazaq, tatar, bashqurt) jane agylshyn tilderi negizinde). *Iassawi universitetinin habarshysy, 1*, 7-21.

Информация об авторе

Тагирова Фяридя Инсановна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4081-6456;
e-mail: feride2412@mail.ru

Сабитова Ильгамия Исламутдиновна – канд. филол. наук , старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0002-8082-3906;
e-mail: sabitova_1965@mail.ru

Information about the author

Fyaridya I. Tagirova – Cand. Sci. (Phil.), leading research fellow, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4081-6456;
e-mail: feride2412@mail.ru

Ilgamiya I. Sabitova – candidate of philological sciences, senior research fellow, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0002-8082-3906;
e-mail: sabitova_1965@mail.ru

Поступила в редакцию 28.03.2024
Принята к публикации 08.05.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 28 March 2025
Accepted 8 May 2025
Published 20 June 2025

Научная статья

Виртуальные экскурсии как средство совершенствования иноязычных навыков студентов неязыкового вуза: страноведческий подход

https://doi.org/10.31483/r-149380
УДК 378.016:811

Кордон Т. А.
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
г. Чебоксары, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-4252-879X, e-mail: tkordon@gmail.com

Резюме. В работе исследуются актуальные тенденции в обучении иностранным языкам, где виртуальные экскурсии рассматриваются как перспективное дидактическое средство, способствующее развитию языковых и культурных навыков. Виртуальные экскурсии, использующие современные цифровые технологии, такие как 3D-моделирование и дополненная реальность, предоставляют обучающимся возможность погружаться в языковую среду и расширять культурный кругозор, что является важным в контексте международной коммуникации. Цель работы – показать возможности использования виртуальных экскурсий в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе в аспекте страноведческого подхода, который направлен на реализацию исторического и этнокультурного содержания обучения. Исследование проводилось на базе Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, где будущие учителя приняли участие в серии виртуальных экскурсий по истории и культуре Великобритании. Методология исследования включала анкетирование, наблюдение и полуструктурированные интервью, что позволило оценить уровень языковой подготовки и вовлеченности студентов до и после внедрения инновационного метода обучения. Результаты показали существенное улучшение языковых навыков, восприятия аутентичных аудио- и видеоматериалов, а также уровня знания культурных аспектов стран, изучаемого языка.

Ключевые слова: виртуальные экскурсии, обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникация, цифровые технологии, языковая среда, профессиональная подготовка учителей.

Для цитирования: Кордон Т. А. Виртуальные экскурсии как средство совершенствования иноязычных навыков студентов неязыкового вуза: страноведческий подход // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 31-37. DOI 10.31483/r-149380. EDN SEUGMR

Research Article

Virtual excursions as a means of improving professional foreign language skills in a non-linguistic university: cultural immersion approach

Tamara A. Kordon
Chuvash State Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-4252-879X, e-mail: tkordon@gmail.com

Abstract. The article discusses modern approaches to foreign language teaching, emphasizing the use of virtual excursions as an effective method that promotes the development of language and cultural skills. Virtual excursions, which utilize contemporary digital technologies such as 3D modeling and augmented reality, provide learners with a unique opportunity to immerse themselves in the language environment and broaden their cultural horizons, which is vital in the context of international communication. The aim of the study is to demonstrate the potential of using virtual excursions in foreign language teaching at a non-linguistic university. The research was conducted at the Yakovlev's University, where future teachers participated in a series of virtual excursions focusing on the history and culture of Great Britain. The research methodology included surveys, observations, and semi-structured interviews, allowing an assessment of the students' language preparedness and engagement before and after the implementation of the innovative teaching method. The results showed a significant improvement in language skills, perception of authentic audio and video materials, as well as knowledge of the cultural aspects of the studied language countries.

Keywords: intercultural communication, digital technologies, foreign language teaching, teacher training, language environment, virtual tours.

For citation: Kordon T. A. (2025). Virtual excursions as a means of improving professional foreign language skills in a non-linguistic university: cultural immersion approach. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7* (2), 31-37. EDN: SEUGMR. https://doi.org/10.31483/r-149380.

Введение

В условиях стремительно развивающегося информационного общества значение владения иностранными языками неуклонно возрастает. Профессиональные навыки, связанные с межкультурной коммуникацией и знанием языков, становятся ключевыми аспектами успешной карьеры в различных сферах деятельности.

Метод виртуальных экскурсий предоставляет студентам возможность не только углубить языковые навыки, но и расширить культурный кругозор, что важно в условиях глобализации и интернационализации образовательного процесса. Виртуальные экскурсии прежде всего способствуют расширению словарного запаса.

При посещении виртуальных музеев или исторических мест студенты имеют возможность познакомиться с терминами, специфичными для культуры и истории. К примеру, посещение виртуального тура по музеям может включать в себя изучение таких слов, как *ренессанс, сюрреализм, экспонат* и т. д. Важно не просто слушать, но и активно записывать новые слова и выражения, которые могут быть использованы в дальнейших обсуждениях или письменных заданиях.

Развитие навыков аудирования является важным аспектом. Во время экскурсий студенты слышат различные акценты и стили. Изучение английского через экскурсии, например, по историческим местам Лондона, позволяет услышать рассказы экскурсоводов, которые могут использовать как формальный, так и неформальный стиль общения. После экскурсии полезно обсудить услышанное, выделяя ключевые моменты и задавая вопросы, что способствует улучшению восприятия на слух. Кроме того, обсуждение увиденного на экскурсии способствует развитию разговорных навыков. В частности, после экскурсии по древним местам Англии, где рассказчик делится информацией о событиях и людях, студенты могут провести групповые дискуссии о влиянии исторических событий XVIII в. на современность. Это не только развивает ораторские навыки, но и вовлекает студентов в глубокие размышления о материалах экскурсии.

Через такие экскурсии также могут быть улучшены письменные навыки. После виртуального тура студентам могут даваться задания, в которых им нужно написать эссе или отчет о том, что они узнали. Допустим, после экскурсии по историческим памятникам Лондона учащиеся могут написать, как архитектура того времени отразила образ жизни и ценности общества, в том числе этнокультурные. Это помогает организовать мысли на английском языке и практиковать письменность в контексте реальных бытовых тем.

Этнокультурная осведомленность также играет важную роль. Экскурсии позволяют студентам не только изучать культуру другой страны, но и обсуждать ее влияние на современное общество. Например, после экскурсии по Британскому музею студенты могут поговорить о том, как традиции сохраняются в современной жизни Англии и всего мира. Такие обсуждения развивают культурное понимание, что важно для современного изучения языка.

Материалы и методы исследования

В представленном исследовании был применен страноведческий подход, который направлен на реализацию исторического и этнокультурного содержания обучения.

В историческом аспекте статьи особое внимание уделяется тому, как история и культура Великобритании интегрируются в обучение английскому языку. Исследование показывает, что студенты имеют ограниченный уровень владения английским языком, поэтому необходимым становится использование инновационных методов обучения для улучшения их языковой подготовки и понимания культурного контекста изучаемого языка.

Основной исторический материал заключается в рассмотрении ключевых периодов развития британской цивилизации через экскурсии, охватывающие такие значимые события и места, как Стоунхендж, Великая хартия вольностей и т. д. Так студентам удобнее не только изучать язык, но и глубже осваивать предмет, изучать его исторические корни. Через экскурсии студенты знакомятся с важнейшими аспектами британской истории, что значительно расширяет их понимание культурных реалий, связанных с языком.

Этнокультурный аспект играет важную роль в процессе преподавания иностранного языка, особенно в контексте подготовки будущих педагогов. Он включает в себя комплексное взаимодействие языковых и культурных компетенций, которые необходимы для глубокого понимания и успешного общения на иностранном языке.

В работе основной акцент сделан на том, как культура, история и идентичность влияют на изучение языка, что подчеркивает важность этнокультурного контекста в образовательном процессе.

Одной из ключевых задач этнокультурного подхода является формирование у студентов осознания важности культурных аспектов. Необходимость интеграции культуры и языка в образовательный процесс способствует не только развитию языковых навыков, но и формированию профессиональной идентичности студентов.

В качестве основного контингента испытуемых выступили 48 студентов первого и второго курсов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, обучающихся по педагогическим специальностям с различной языковой подготовкой (история, английский язык, мировая художественная культура, медиакоммуникации, изобразительное искусство).

На начальном этапе исследования использовался метод анкетирования, позволивший выявить исходный уровень языковой компетенции респондентов. Анкета включала вопросы, направленные на оценку следующих параметров: способность воспринимать аутентичные аудио- и видеоматериалы, навыки ведения диалогической речи, степень знакомства с культурными аспектами англоязычных стран. Дополнительно применялось полуструктурированное интервьюирование для углубленного анализа языковых затруднений и мотивационных факторов.

Метод включенного наблюдения использовался для фиксации уровня активности студентов в учебном процессе: их участия в дискуссиях, подготовки докладов, выполнения интерактивных заданий. Полученные данные подвергались как количественной обработке (статистический анализ процентных соотношений), так и качественной интерпретации.

Для оценки эффективности методики применялся сравнительный анализ показателей языковой компетенции до и после эксперимента, включавший тестирование аудитивных навыков, оценку качества устных высказываний, анализ письменных работ, мониторинг участия в дискуссиях.

Настоящее исследование является продолжением ранее проведенной нами работы, посвященной решению проблем применения мультимедийных ресурсов [Кордон, 2024].

Результаты исследования и их обсуждение

Виртуальные экскурсии охватывают широкий спектр интерактивных цифровых технологий, которые позволяют имитировать посещение как реальных, так и искусственно созданных пространств с помощью мультимедийных средств, таких как 3D-моделирование, панорамная съемка, а также технологий виртуальной и дополненной реальности. Эти инструменты обеспечивают визуализацию объектов и локаций, которые могут быть недоступны для физического посещения, и включают в себя интерактивные элементы, включая гиперссылки, аудиогиды и тестовые задания. Применение виртуальных экскурсий в обучении позволяет студентам полностью погрузиться в иноязычную среду без географических и временных ограничений, формирует у студентов навыки критического осмысления и обработки информации. Это повышает эффективность освоения иностранного языка. В настоящее время использование виртуальных экскурсий в практике изучения дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых направлениях подготовки нашло достаточно широкое применение.

Виртуальная и дополненная реальность позволяют создать особенную учебную среду, в которой учащиеся могут взаимодействовать с контентом на иностранном языке. Например, используя VR-очки, студенты могут «посетить» исторические районы, музеи и другие культурные объекты, находясь в аудитории. Виртуальные экскурсии производят на учащихся сильное эмоциональное воздействие, благотворно сказываются на повышении мотивации к изучению предмета.

Эмпирические данные показывают, что применение VR-экскурсий способствует улучшению запоминания лексики на 25–40 процентов по сравнению с традиционными методами, значительно повышая уровень мотивации учащихся, поскольку около 85 процентов студентов предпочитают данный формат обучения.

При применении виртуальных экскурсий в курсе иностранного языка целесообразно выделить ряд критериев и показателей для оценки эффективности этого метода.

Первый важный критерий – языковые навыки, которые включают в себя уровень владения различными аспектами языка. Показатели в этом направлении могут включать такие элементы, как способность понимать и интерпретировать аутентичные аудио- и видеоматериалы на языке, который изучается. Например, студенты могут оцениваться на основе их умений выделять ключевые идеи и детали из услышанного и увиденного в ходе виртуальной экскурсии. Также значимыми будут навыки говорения – активное использование новой лексики и грамматических структур в обсуждениях, связанных с темой экскурсии, а также способность вести диалог на иностранном языке, выражать мнения и аргументировать свою точку зрения.

Вторым критерием являются культурные знания и понимание, которые необходимы для глубокого освоения языка. Студенты оцениваются на основе того, насколько хорошо они усвоили культурные аспекты, представленные в виртуальной экскурсии. Показатели здесь могут включать умение идентифицировать культурные элементы, такие как традиции, ценности и обычаи, а также способность сравнивать и контекстуализировать эти элементы в соотношении с их собственной культурой.

Третий критерий – это вовлеченность и активное участие в учебном процессе, которое оценивается через уровень активности студентов во время виртуальных экскурсий. Показатели здесь включают частоту и качество участия в дискуссиях, выполнение заданий во время экскурсии, а также умение задавать вопросы и инициировать обсуждение. Вовлеченность может также измеряться через обратную связь – насколько интересным и полезным им показался виртуальный опыт, а также через их желание участвовать в дополнительных активностях, связанных с темой экскурсии.

Стоит отметить рефлексивные навыки как отдельный критерий. Здесь важны показатели, связанные с самооценкой студентов относительно их языковой подготовки. Важно оценить, насколько студенты способны оценивать свой прогресс, идентифицировать области, требующие улучшения, и формулировать конкретные цели для дальнейшего обучения.

В ходе данного исследования было проведено анкетирование и интервьюирование 48 студентов первых и вторых курсов Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, обучающихся по специальностям, связанным с преподаванием истории и английского языка, истории и общества, мировой художественной культуры, а также дополнительного образования (медиакоммуникации) и изобразительного искусства. Результаты анализа показали, что большинство респондентов демонстрируют уровень владения английским языком, соответствующий базовому школьному этапу.

В рамках университета преобладает профориентационное обучение будущих учителей, что создает определенные сложности для студентов в процессах совершенствования профессиональных навыков, связанных с английским языком. В частности, в ходе анализа выяснилось, что лишь 30 процентов опрошенных студентов способны адекватно воспринимать аудио- и видеоматериалы, а также демонстрировать навыки ведения диалога по изучаемой теме. Также выяснилось, что только 25 процентов будущих педагогов имеют представление о культурных аспектах стран, язык которых они изучают. В дискуссиях и обсуждениях, а также в подготовке докладов по актуальным темам принимает участие лишь половина студентов. Эти результаты подчеркивают необходимость разработки более эффективных методов и подходов к преподаванию иностранного языка, которые способствовали бы улучшению уровня языковой подготовки студентов неязыковых специальностей.

Для совершенствования навыков иностранного языка для будущих учителей нами было решено внедрить в учебный процесс шесть виртуальных экскурсий на английском языке по истории и культуре Великобритании.

Метод использования виртуальных экскурсий в методике преподавания иностранных языков хорошо себя зарекомендовал и является популярным среди педагогов и обучающихся.

Мы для реализации этого метода использовали некоторые рекомендации педагогов-практиков – О. А. Ефановой, которая отметила несколько способов создания виртуальных экскурсий: «1) путем создания мультимедийной презентации; 2) используя гиперссылки и переход на разные сайты; 3) с помощью 3D-моделирования» [Ефанова, 2024, с. 234]; Е. В. Зелениной, предлагающей до работы с виртуальными экскурсиями подготовить инструктивный, учебно-методический, научно-исследовательский, оценочный блоки материалов, а также предусмотреть интерактивный подход, включая онлайн-коммуникацию с участниками экскурсии [Зеленина, 2022, с. 883]. Были учтены предложения А. И. Шевченко о разработке специальных вопросов и заданий, выполняемых в ходе экскурсии или после [Шевченко, 2023, с. 175], С. В. Хаснутдиновой, Н. Л. Зиганшиной о выполнении в мини-группах или парах коммуникативных заданий на заключительном этапе экскурсии [Хуснутдинова, 2022, с. 153]. При этом важно, как отмечает Р. Х. Садыкова, проводить сравнение с культурой родной страны [Садыкова, 2021, с. 159].

Отбор виртуальных экскурсий для включения в учебный процесс осуществлялся нами на основе комплексного анализа их культурно-исторической, лингводидактической и методической ценности. Принимая во внимание сферу интересов будущих учителей истории и английского языка, обществознания, мировой художественной культуры и изобразительного искусства, первостепенным критерием выступило культурно-историческое значение материалов, охватывающих ключевые периоды развития британской цивилизации: от археологических памятников Бронзового века (Стоунхендж) и средневековых юридических документов (Великая хартия вольностей) до объектов наследия эпохи Тюдоров (дворец Хэмптон-Корт) и Просвещения (коллекции Британской библиотеки и музея).

Лингвистический потенциал отобранных материалов проявляется в нескольких аспектах: во-первых, они содержат аутентичную терминологию из различных профессиональных дискурсов (исторического, юридического, искусствоведческого), включая такие концептуально значимые лексемы, как Magna Carta или Sutton Hoo helmet; во-вторых, предусматривают знакомство с вариативностью английской речи – от академического стиля экспертных комментариев до спонтанной разговорной речи гидов; в-третьих, технические особенности видеоматериалов (наличие субтитров, визуальных аннотаций) обеспечивают поддержку при восприятии сложного содержания.

Важным фактором отбора стала степень интерактивности и мультимедийности ресурсов. Трехмерные туры по архитектурным объектам (Стоунхендж, Хэмптон-Корт) создают эффект иммерсивного погружения, в то время как интерактивные элементы экскурсий по музейным коллекциям (кликабельные артефакты Британского музея) способствуют активному вовлечению в процесс познания. Аудиовизуальные компоненты, такие как звуковое сопровождение исторических реконструкций, усиливают эмоциональное восприятие и способствуют более глубокому запоминанию материала.

С точки зрения профессиональной подготовки будущих педагогов, значение отобранных экскурсий заключается в их методическом потенциале: они предоставляют структурированные дидактические материалы (хронологические схемы, картографические данные, цитаты первоисточников), которые могут быть непосредственно использованы в педагогической практике.

Техническая доступность ресурсов, размещенных на популярных платформах (VK, RuTube, YouTube) и адаптированных для просмотра на мобильных устройствах, обеспечивает беспрепятственную интеграцию в учебный процесс. Таким образом, при подборе экскурсионных материалов приоритет отдавался ресурсам, которые одновременно способствуют языковому развитию и расширению культурно-исторического кругозора.

Первой экскурсией, включенной в учебный процесс, стала экскурсия о значимых исторических местах Великобритании. В виртуальной экскурсии под названием «Amazing places to visit in England (UK) / Best places to visit in England»[1] студентов ожидало путешествие по наиболее удивительным местам Англии. Экскурсия началась с одного из самых известных символов Англии – Лондона. Далее экскурсия перенесла будущих учителей в Стоунхендж, таинственный мегалитический памятник. Оксфорд стал следующим пунктом экскурсии, где видео знакомит студентов с одним из самых престижных университетов мира. Затем наступила очередь Йорка, Бата, Котсуолдса, где можно восхититься красотой природных пейзажей и традиционной английской архитектуры.

Тем временем в учебный процесс была внедрена экскурсия под названием «Бронзовый век в Великобритании»[2]. Она предложила студентам путешествие в эпоху, оставившую значимый след в истории британских островов. В самом начале видео студенты погрузились в атмосферу того времени, когда металлургия только начала развиваться. На протяжении всего видео ключевое внимание уделялось археологическим находкам, которые дают представление о жизни людей в Бронзовом веке. Можно было увидеть разные исторические места, такие как урны с захоронениями, величественные курганы и останки поселений, которые сохранили следы повседневной жизни того времени. Важное внимание было уделено художественным достижениям, в частности, изготавливаемой тогда ювелирной продукции, говорящей о высоком уровне мастерства.

В рамках увлекательной виртуальной экскурсии под названием «Иоанн Безземельный и Великая хартия вольностей»[3] студенты погружались в атмосферу Англии XIII в., чтобы узнать о правлении одного из самых неоднозначных королей страны. Экскурсия начинается с мрачного кадра замка Рочестер, символа власти Иоанна, демонстрируя контраст между его амбициями и недовольством подданных.

[1] Amazing places to visit in England (UK). Best places to visit in England. URL: https://vk.com/video-168482992_456239923 (дата обращения: 04.04.2025).

[2] Бронзовый век в Великобритании. URL: https://vkvideo.ru/video-220636150_456239040?t=14s (дата обращения: 04.04.2025).

[3] Иоанн Безземельный и Великая хартия вольностей». URL: https://www.britannica.com/video/John-of-England-events-signing-Magna-Carta/-241419 (дата обращения: 04.004.2025).

Упоминаются беспорядки, вызванные высокими налогами, произвольным правлением и конфликтами с местными баронами, многие из которых были недовольны нехваткой земли и авторитарным стилем правления Иоанна. Одной из захватывающих частей видео является хроника подписания Великой хартии вольностей в 1215 г. Студенты видят комментарии историков и экспертов, которые по достоинству оценивают значение хартии в контексте современного понимания прав и свобод личности.

Следующей экскурсией стала виртуальная экскурсия «По следам Генриха VIII»[4], проходящая во дворце Хэмптон-Корт. Она представляет собой увлекательное и познавательное путешествие, которое позволяет студентам погрузиться в атмосферу одной из самых ярких эпох английской истории. Это время правления Генриха VIII, короля, известного не только своими политическими амбициями, но и личной жизнью, полной драматических событий, в значительной степени формировало облик Англии.

Виртуальная экскурсия по Сокровищам Британской библиотеки[5] является уникальным опытом, который позволяет погрузиться в мир бесценных артефактов и знаний, хранящихся в этом замечательном учреждении. Британская библиотека, расположенная в Лондоне, представляет собой национальный архив, который охватывает почти всю историю человечества через его письменные документы.

Экскурсия начинается с общего обзора библиотеки, где будущие учителя могут ознакомиться с ее величественным интерьером и узнать о роли Британской библиотеки в сохранении культурного наследия. Одним из главных символов библиотеки является статуя Исаака Ньютона, изображенная с масштабами Вселенной, что служит метафорой для стремления учреждения к сохранению знаний и мудрости, накопленных за века. Эта статуя символизирует стремление человечества к познанию и поиску ответов на важные вопросы. Галерея сокровищ является центральной частью экскурсии, где можно увидеть некоторые из самых ценных экспонатов библиотеки. Виртуальная экскурсия позволяет заглянуть в детали этих документов, ознакомиться с их историей, а также с историческим контекстом, в котором они были созданы.

Виртуальная экскурсия «The top ten treasures in the British museum»[6], проведенная увлекательным экскурсоводом Джессикой, представляет собой завораживающее путешествие по самым известным и знаковым экспонатам одного из величайших музеев мира. Джессика начинает свою экскурсию с приветствия зрителей и короткой исторической справки о самом музее, основанном в 1753 г., и о его впечатляющих коллекциях, которые охватывают более двух миллионов лет человеческой истории. Можно увидеть шлем Саттон-Ху, статую Тары, голову Ифе, шахматы Льюиса, таблички Виндоланда. Экскурсия завершается величественным Розеттским камнем, который открыл двери к пониманию древнеегипетской письменности.

Каждая виртуальная экскурсия сопровождалась интерактивными заданиями, которые требовали от студентов анализа увиденного, составления кратких отчетов на английском языке, ведения дискуссий и формулирования мнений о влиянии исторических и культурных событий на современность. Таким образом, студенты не только развивают свои языковые навыки, но и учатся мыслить критически и делать выводы, что является важной частью профессиональной подготовки.

После просмотра виртуальных экскурсий студентам предлагались различные задания, которые помогали закрепить изученный материал и развить их языковые навыки. Будущие учителя истории писали эссе на английском языке, анализируя важность исторических мест, показанных в экскурсиях, и их влияние на культуру и идентичность Великобритании. Студенты профиля «Мировая художественная культура» делали сравнительный анализ между двумя экскурсиями, подчеркивая, как каждый исторический аспект влияет на современное понимание английской истории и культуры. Обучающиеся художественного направления создавали презентации, в которой они рассказывали о впечатлившем их месте из виртуальной экскурсии, не забыли его исторический контекст, архитектурные детали и культурное значение. Еще одним интересным заданием может стать создание блога или видеоролика, в котором студенты могли бы поделиться своими впечатлениями от виртуальных экскурсий, а также обсудить, как новые технологии помогают в изучении истории и культуры. Это может быть особенно полезным для будущих учителей, так как они смогут развить навыки, которые им понадобятся в преподавательской практике.

Также во время экскурсий акцент делался на разговорную практику. Студенты задавали вопросы в режиме реального времени и строили диалоги на английском языке. Такой элемент взаимодействия способствует уменьшению языкового барьера и повышению уверенности в использовании иностранного языка в реальных ситуациях.

Просмотр всех виртуальных экскурсий был завершен проектной работой, где студенты применили полученные знания для создания презентации на тему, выбранную в ходе экскурсий. Например, исследование влияния конкретного исторического события на британскую культуру или анализ исторической личности. Формат англоязычной презентации, сочетавший устное изложение с визуализацией данных, позволил участникам развить компетенции в области публичных выступлений и работы с информацией.

Выводы

После внедрения виртуальных экскурсий в учебный процесс результаты языковой подготовки студентов значительно улучшились. В частности, изменился уровень восприятия аудио- и видеоматериалов.

[4] По следам Генриха VIII. URL: https://youtu.be/ZKenNspFQ4E?si=OG8cejABI0e3V_8e (дата обращения: 04.04.2025).

[5] Сокровища Британской библиотеки. URL: https://youtu.be/IJUdxF5f6lo?feature=shared (дата обращения: 04.04.2025).

[6] The top ten treasures in the British museum. URL: https://youtu.be/aZv6i01De2Q?si=JkDuYZ1ql_gseOUE (дата обращения: 04.02.2025).

Если ранее лишь 30 процентов опрошенных могли адекватно воспринимать такой контент, то после использования виртуальных экскурсий этот показатель возрос до 70 процентов. Использование интерактивных и визуально насыщенных материалов позволило учащимся погрузиться в языковую среду и развить навыки аудирования. Это значительно улучшило их способность воспринимать иностранную речь.

Кроме того, среди студентов стали более выраженными навыки ведения диалогов. Ранее только 30 процентов студентов демонстрировали способность активно участвовать в обсуждении изучаемых тем, тогда как после внедрения экскурсионных форматов уже 60 процентов обучающихся смогли проявить уверенность в высказываниях и вести осмысленные беседы. Использование виртуальных экскурсий трансформировало процесс обучения: студенты изучали культурные реалии через immersive-контент, параллельно тренируя навыки критического мышления и публичной аргументации.

Что касается культурных аспектов стран, чей язык студенты изучают, то здесь также наблюдается положительная динамика. Ранее лишь 25 процентов студентов имели представление о культурных аспектах изучаемых языков. Однако после внедрения виртуальных экскурсий этот показатель возрос до 55 процентов, что свидетельствует о росте интереса к культурной составляющей языка и его носителей. Интерактивные практики, основанные на культурных особенностях стран, способствовали формированию более глубокого понимания языка не только как системы правил, но и как важного элемента культуры.

В целом также улучшилось участие студентов в дискуссиях и обсуждениях. Ранее лишь половина студентов включалась в подготовку и проведение обсуждений, но после запуска новых форматов обучения и внедрения виртуальных экскурсий данный показатель увеличился до 75 процентов. Студенты стали более вовлеченными в учебный процесс, что дало возможность повысить уровень их мотивации и уверенности в использовании языка.

Таким образом, внедрения виртуальных экскурсий по истории и культуре Великобритании представляет собой комплексный подход к изучению иностранного языка и одновременно способствует углубленному пониманию исторического и культурного контекста. Такой подход в обучении не только укрепляет языковые навыки студентов, но и формирует профессиональную идентичность, необходимую для их будущей карьеры.

Список литературы

Ефанова О. А. Использование виртуальных экскурсий при обучении иностранному языку в неязыковом вузе в условиях цифровизации образования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 1 (102). С. 232-236. DOI 10.33979/1998-2720-2024-102-1-232-236. EDN SFUROJ

Зеленина Е. В. Использование виртуальных экскурсий в преподавании иностранного языка в условиях цифровизации образования // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации. Орел, 2022. С. 879-885. EDN UTOBUK

Кордон Т. А. Основные проблемы студентов в использовании мультимедийных ресурсов для изучения иностранного языка // Этническая культура. 2024. Том 6. № 2. С. 49-53. DOI 10.31483/r-112308. EDN XCLEWQ

Садыкова Р. Х. Формирование речевой деятельности в условиях дистанционного обучения (на материале виртуальных учебных экскурсий) // Вестник педагогических наук. 2021. № 6. С. 158-163. EDN CNGXTE

Хаснутдинова С. В., Зиганшина Н. Л. Виртуальные туры и экскурсии в процессе изучения профессионального иностранного языка в вузе // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2022. № 4. С. 151-156. EDN YCQPAO

Шевченко А. И. Онлайн-экскурсии как инструмент обучения иностранному языку в информационной образовательной среде вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 172-179. DOI 10.17223/15617793/494/18. EDN QHFGPK

References

Efanova, O. A. (2024). Using virtual tours when teaching a foreign language in a non-linguistic university in the context of digitalization of education. *Scientific notes of orel state university, 1*(102), 232-236. EDN: SFUROJ. https://doi.org/10.33979/1998-2720-2024-102-1-232-236

Zelenina, E. V. (2022). The use of virtual tours in teaching foreign languages in the context of digitalization of education., 879-885. Current issues of linguistics and linguodidactics in the context of intercultural communication. Orel. EDN: UTOBUK

Kordon, T. A. (2024). The students' main problems in using multimedia resources for learning a foreign language. *Ethnic Culture, 6*(2), 49-53. EDN: XCLEWQ. https://doi.org/10.31483/r-112308

Sadykova, R. Kh. (2021). Formation of speech activity in the conditions of distance learning (on the material of virtual educational excursions). *Bulletin of pedagogical sciences, 6*, 158-163. EDN: CNGXTE

Khasnutdinova, S. K., Ziganshina, N. L. (2022). Virtual tours and excursions in the process of studying a professional foreign language at the university. *Bulletin of the Scientific Center for Life Safety, 4*, 151-156. EDN: YCQPAO

Shevchenko, A. I. (2023). Online excursions as tools for teaching a foreign language in the university's informational educational environment. *Tomsk State University journal, 494*, 172-179. EDN: QHFGPK. https://doi.org/10.17223/15617793/494/18

Информация об авторе

Кордон Тамара Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент,
Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4252-879X;
e-mail: tkordon@gmail.com

Information about the author

Tamara A. Kordon – Cand. Sci. (Ped.), associate professor,
Chuvash State Pedagogical University,
Cheboksary, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4252-879X;
e-mail: tkordon@gmail.com

Поступила в редакцию 11.05.2025
Принята к публикации 15.06.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 11 May 2025
Accepted 15 June 2025
Published 20 June 2025

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-138947
УДК 81’23[811.111:378.147]+81’37

Ассоциативный эксперимент как способ отслеживания динамики развития вторичной языковой личности на примере стимула «nation»

Королева В. В.[a], **Полянская Е. Т.**[b]
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-7608-9772, e-mail: queenvera@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0009-0005-1497-592X, e-mail: mushvikiton_k@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается динамика формирования вторичной языковой личности и влияние на этот процесс первичной языковой личности обучающихся. Авторами анализируется роль ассоциативного эксперимента в изучении языковой картины мира и языковой личности. В качестве основного метода исследования выступает цепочечный ассоциативный эксперимент, проведенный в трех группах с разным уровнем владения английским языком, включая группу носителей языка. Стимульным словом в эксперименте служит лексема nation (нация). Интерпретация результатов осуществляется с опорой на трехуровневую модель языковой личности Ю. Н. Караулова. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о сильном влиянии первичной языковой личности на формирование вторичной языковой личности на начальном этапе изучения языка и пограничном уровне владения им (A2–B1). Испытуемые с большим опытом сознательного изучения английского языка демонстрируют более разностороннее понимание стимульного слова «нация» даже по сравнению с носителями языка. Авторы отмечают потенциал применения ассоциативного эксперимента в методических целях для определения степени сформированности вторичной языковой личности в учебных группах и коррекции траектории языкового обучения.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, вторичная языковая личность.

Для цитирования: Королева В. В. Ассоциативный эксперимент как способ отслеживания динамики развития вторичной языковой личности на примере стимула «nation» / В. В. Королева, Е. Т. Полянская // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 2. С. 38-42. DOI 10.31483/r-138947. EDN OBLUDL

Research Article

Associative experiment as a means of tracking dynamics of secondary language personality development as exemplified by the stimulus word "nation"

Vera V. Koroleva[a], **Ekaterina T. Polyanskaya**[b]
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
[a] https://orcid.org/0000-0002-7608-9772, e-mail: queenvera@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0009-0005-1497-592X, e-mail: mushvikiton_k@mail.ru

Abstract. The article examines the dynamics of secondary language personality formation and the influence of learners’ native linguistic personality on this process. The article reviews the role of associative experiment in linguistic worldview and language personality examination. A chain associative experiment, conducted in three groups with different levels of English proficiency – including a group of native speakers – serves as the primary research method. The lexeme "nation" is used as the stimulus word in the experiment. The interpretation of the results is carried out according to Yu. N. Karaulov’s three-level model of language personality. The findings allow conclusions that there is a strong influence of the native linguistic personality on the formation of the secondary language personality at an early stage of the language mastery and the threshold level (A2–B1). Subjects with a great experience of conscious language acquisition demonstrate the most comprehensive understanding of the stimulus word "nation", even compared to the native speakers. Furthermore, the prospects of associative experiment application for methodological purposes are noted, particularly for tracking the level of secondary language personality formation in learning groups and adjusting the language learning trajectory.

Keywords: associative experiment, linguistic personality, linguistic worldview, secondary language personality.

For citation: Koroleva V. V., & Polyanskaya E. T. (2025). Associative experiment as a means of tracking dynamics of secondary language personality development as exemplified by the stimulus word “nation”. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 7* (2), 38-42. EDN: OBLUDL. https://doi.org/10.31483/r-138947.

Введение

Ассоциативный эксперимент является одним из ведущих исследовательских методов в психолингвистике. Помимо научной и теоретической значимости он имеет и прикладное назначение – составление на базе полученных реакций ассоциативных словарей, «отражающих реальное языковое сознание»[1] в целях дальнейшего изучения ментальности этносов и социальных групп. Эти труды представляют ценность не только для языковедов, но и для методистов в сфере преподавания иностранных языков. А. А. Леонтьев заметил, что самые частые синтагматические и парадигматические связи, отраженные в ассоциативном словаре, помогут достичь более полного понимания иностранными студентами системы устойчивых выражений и синонимии в русском языке[2].

[1] Уфимцева Н. В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 244.

[2] Словарь ассоциативных норм русского языка / под редакцией А. А. Леонтьева. Москва : Издательство Московского университета, 1977. 192 с.

Полноценное освоение языка подразумевает изучение ассоциаций, отражающих в себе национальную культуру[3].

Рассматривая ассоциативный эксперимент в русле лингвострановедческой и национально-ориентированной учебной лексикографии для изучающих русский язык в качестве иностранного, ученые отмечают, что «данный метод обеспечивает адекватную возможность "измерения" реально существующих различий в семном лексиконе» [Богуславская, Будник, Мамонов, Чинь Тхи Ким Нгок, 2022, с. 18].

Действительно, опираясь на результаты ассоциативного эксперимента, возможно сформировать представление о языковой картине мира определенного народа. Считается, что впервые данный термин употребил Й. Л. Вайсгербер. Он полагал, что язык со своими характерными чертами фонетики, грамматики, семантики, фразеологии есть выражение способа мышления какой-либо общности[4]. В XX в. под влиянием этой идеи и гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа многие ученые-гуманитарии заинтересовались вопросом о роли личности в языковой картине мира.

Отечественный исследователь Ю. Н. Караулов дал системное определение понятию языковой личности и подробно разработал ее концепцию. Согласно его идее, существует три уровня в структуре языковой личности: вербально-семантический (система формальных средств выражения мысли, или лексикон), лингвокогнитивный (знания о мире, концепты и идеи, сложившиеся в той или иной ментальности, или тезаурус) и мотивационный (способность достигать целей и формировать установки посредством языка, или прагматикон). Ю. Н. Караулов обратил внимание на тесную взаимосвязь трех уровней и возможность выхода на них с помощью ассоциативного эксперимента, имея в наличии лишь вербрально-семантическую сеть[5].

Понятие языковой личности связано с постижением и владением родным языком.

Отдельный интерес представляет личность, формируемая и проявляющаяся при изучении иностранных языков. Так, И. И. Халеева на основе разработок Ю. Н. Караулова подробно раскрыла содержание понятия вторичной языковой личности. Согласно ее концепции, в процессе освоения иноязычной речи первый уровень (лексикон) разделяется на тезаурус I, связанный с ассоциативно-вербальной сетью, грамматикой и фонетикой языка, и тезаурус II, соотносящийся с импликациями, пресуппозициями и фоновыми знаниями о мире, которые стоят за словом[6].

Действительно, овладевая родным языком, мы неосознанно усваиваем сразу оба этих аспекта, например, воспринимаем фразеологизмы как целостные единицы. Учащийся, сталкиваясь с незнакомой для него иноязычной идиомой, сначала осваивает формальное значение компонентов (тезаурус I) и только после этого общее значение фразы, ее стилистическую окраску, этимологию (тезаурус II).

Ж. А. Вардзелашвили и Л. П. Прокофьева отмечают, что вторичная языковая личность – «динамический, постоянно развивающийся конструкт, который надстраивается над языковой личностью» [Вардзелашвили, Прокофьева, 2022, с. 214]. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи [Гребенникова, Глебенко, Каллаур, 2021]. Однако до сих пор до конца неизвестно, на каких этапах овладения языком проявляется зависимость вторичной языковой личности от первичной.

Развитие вторичной языковой личности является одной из главных задач в процессе обучения иностранным языкам. Ассоциативный эксперимент, проведенный с учетом экстралингвистических данных об испытуемых, может служить преподавателям в качестве инструмента для оценки степени сформированности вторичной языковой личности на материале конкретных стимулов, выражающих значимые концепты языка. В свою очередь применение ассоциативного эксперимента в области методики не только позволит найти решение проблем обучения иностранным языкам, но и разносторонне рассмотреть сам феномен ассоциаций, которые, по мнению М. А. Кузьминой, «должны изучаться междисциплинарно» [Кузьмина, 2022, с. 327].

Для практики преподавания английского языка использование ассоциативного эксперимента в целях исследования вторичной языковой личности означает объективный подход к отслеживанию прогресса учащихся с учетом связи базовых умений с лингвокультурной и прагматической компетенциями.

В условиях глобализации и доминирующей роли английского языка особенности восприятия английского слова «нация» (с одной стороны – русскоговорящими студентами с разным уровнем и опытом изучения английского языка; с другой – англофонами-носителями) представляют особый интерес. В частности, рассмотрение результатов ассоциативного эксперимента на этот стимул поможет ответить на вопрос о том, каково может быть влияние первичной языковой личности на речь на иностранном языке. Стимульное слово «нация» эффективно для решения этой задачи, так как оно напрямую ведет к проявлению лингвокультурных различий в ассоциативных полях респондентов. Это обусловлено вариативностью коннотативного значения, которое зависит от личного опыта индивида и его родной социокультурной среды.

Итак, цель данной работы заключается в определении при помощи ассоциативного эксперимента степени влияния первичной языковой личности на формирование вторичной языковой личности на разных этапах изучения иностранного языка через анализ актуализированных ассоциаций русскоговорящих респондентов на стимул «nation» (нация) в сравнении с реакциями носителей английского языка.

Новизна исследования состоит в предоставлении актуальных ассоциативных полей на стимул «нация», составленных на основе ответов трех групп испытуемых, отличающихся по уровню владения английским языком.

[3] Тарасов Е. Ф., Дронов В. В., Ощепкова Е. С. Учебный ассоциативный словарь русского языка. Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. 356 с.
[4] Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / перевод с немецкого, вступительная статья и комментарии О. А. Радченко. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва : УРСС, 2004. 229 с.
[5] Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
[6] Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) : автореферат диссертации ... доктора педагогических наук : 10.02.19. Москва, 1990. 36 с.

Полученные данные могут дополнить ассоциативные словари английского языка, которые, как правило, отражают языковую картину мира носителей языка и недостаточны для исследования динамики развития вторичной языковой личности.

Материал и методы исследования

Для достижения поставленной цели был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент на стимул «nation» в трех группах испытуемых (35 человек), отличающихся уровнем владения английским языком. Группа А состояла из десяти русскоговорящих учащихся восьмого класса возраста 14–15 лет, владеющих английским языком на уровне A2–B1 согласно стандартной школьной программе. Группа Б включала десять русскоговорящих студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Лингвистика» или «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки» в возрасте от 20 до 22 лет, владеющих английским языком на пороге между уровнями C1–C2 и изучающих по меньшей мере два иностранных языка. Обе группы будут считаться экспериментальными, так как именно эти исследуемые формируют вторичную языковую личность в англоязычной среде. Группа В выступит в качестве контрольной. Она насчитывает 15 представителей одной из следующих стран: Великобритания, Канада, США.

В настоящем исследовании учитывается не столько конкретное происхождение англофонов, сколько тот факт, что их языковая личность, по сравнению с испытуемыми из экспериментальной группы, изначально базируется на англоязычных лингвокультурных реалиях.

Все респонденты-носители являются пользователями платформы Reddit, на которой и проводился эксперимент в этой группе испытуемых.

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе анализа данных ассоциативного эксперимента все ассоциаты были расставлены по убыванию частотности и распределены по тематическим рубрикам: название семантического кластера при наличии отображено перед круглой скобкой, а цифра рядом с реакциями соответствует количеству ответов в рамках одной группы. Цепочечный ассоциативный эксперимент предполагает, что участники исследования могут называть несколько ассоциаций. Совокупность полученных ответов образует ассоциативное поле. Ю. А. Борисова определяет его как модель, которая «представляет собой определенный фрагмент языкового сознания в процессе речесмыслопорождения»[7]. Этот способ организации реакций позволяет наглядно проследить сходства и различия в каждом поле, ср.:

группа А: *country* ‘страна’ – 7, *people* ‘люди’ – 6, *flag* ‘флаг’ – 2, *peace* ‘мир’ – 2, *pride* ‘гордость’ – 1, *Russia* ‘Россия’ – 1, *language* ‘язык’ – 1;

группа Б: *legacy* ‘наследие’ (*culture* ‘культура’ – 1, *pride* ‘гордость’ – 1, *history* ‘история’ – 1, *flag* ‘флаг’ – 1, *language* ‘язык’ – 1), *cohesion* ‘единение’ (*unity* ‘единство’ – 2, *union* ‘союз’ – 1), *people* (*people* ‘люди’ – 1, *community* ‘сообщество’ – 1, *society* ‘общество’ – 1), *a positive feature* ‘положительная черта’ (*sense* ‘смысл; разум’ – 1, *equality* ‘равенство’ – 1, *strength* ‘сила’ – 1), *the US* ‘США’ (the US – 1, *eagle* ‘орел’ – 1), *kinship* ‘родство’ (*generation* ‘поколение’ – 1, *blood* ‘кровь’ – 1), *country* ‘страна’ – 2, *difficulty* ‘трудность’ – 1, *European* ‘европейский’ – 1, *barbarian* ‘варварский’ – 1;

группа В: *integrity and inviolability* ‘целостность и неприкосновенность’ (*countries* ‘страны’– 2, *country* ‘страна’ – 1, *borders* ‘границы’ – 1, *national security* ‘национальная безопасность’ – 1, *nationalism* ‘национализм’ – 1, *unity* ‘единство’ – 1, *national* ‘национальный’ – 1), *North America* ‘Северная Америка’ (*state* ‘штат’ – 2, *Canada* ‘Канада’ – 1, *USA* ‘США’ – 1, *America* ‘Америка’ – 1), *dissatisfaction* ‘неудовлетворенность’ (*bullshit* ‘бред; чушь’ – 1, *bigot* ‘фанатик’ – 1, *leave* ‘уехать; покинуть’ – 1), *authority* ‘власть’ (*politics* ‘политика’ – 1, *military* ‘военный’ – 1), *St George* ‘Святой Георгий’ – 1, *road* ‘дорога’ – 1, *glory* ‘слава’ – 1, *pitbull* ‘питбуль’ – 1.

Обращаясь к анализу ассоциативных полей, стоит сделать замечание по поводу объективности интерпретации данных ассоциативного эксперимента. И. А. Стернин обратил внимание на то, как может разниться трактовка результатов «не только у разных интерпретаторов, но и со временем у одного и того же исследователя» [Стернин, 2020, с. 120]. Именно поэтому для оценки вторичной языковой личности испытуемых из экспериментальной группы при сравнении их ассоциативных полей с полем контрольной группы мы будем использовать ряд критериев. Во-первых, это разнообразие ассоциаций (насколько часто повторяются некоторые реакции, каково количество уникальных единиц), то есть будем рассматривать ассоциативное поле к стимулу «nation» как микротезаурус I. Во-вторых, семантический состав реакций – количество и характер ассоциаций, связанных с культурой или историей какого-либо народа (тезаурус II и лингво-когнитивный уровень языковой личности). В-третьих, отметим наличие или отсутствие оценочных реакций, отражающих отношение исследуемых к концепту «nation», другими словами, на третий уровень вторичной языковой личности – прагматикон.

Для начала обратим внимание на ассоциативное поле в контрольной группе. В нем наблюдается разнообразие семантических кластеров – четыре рубрики и несколько неклассифицированных ассоциаций. Реакции повторяются редко. Это говорит о том, что англофоны имеют разностороннее представление о базовых значениях слова *nation* ‘нация’. Ассоциаты, которые отсылают к культуре какой-либо страны, достаточно многочисленны и конкретны: *state, Canada, US, America, St George*. Все эти реакции коррелируют с англоговорящей средой и показывают очевидную связь в сознании носителей концепта нации и их собственной родины.

Для верификации данных мы должны сравнить ассоциации этого эксперимента со сходными статьями ассоциативных словарей, составленных на базе масштабных ассоциативных экспериментов. Например, в работе Д. Диза «The structure of associations in language and thought» («Структура ассоциаций в языке и мышлении») можно найти самые частые реакции американских студентов-мужчин на стимул *nation* ‘нация’,

[7] Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Том 8, № 1-1. С. 269.

где одна из самых популярных ассоциаций – *United States* ‘Соединенные Штаты’[8]. Также существует открытый интернет-проект «Word association»[9], в котором каждый анонимный пользователь, владеющий английским языком независимо от происхождения, может поучаствовать в ассоциативном эксперименте и получить данные статистики, собранные с 2003 г. Так, в пятерку самых частых реакций на стимул «nation» входит такая единица, как *America*. На основе ответов исследуемых контрольной группы и данных описанных выше ресурсов можно сделать вывод о том, что носители языка склонны связывать абстрактное понятие нации в первую очередь с элементами своей культуры и этноса. Обращаясь к анализу ассоциативного поля в контрольной группе, можно отметить, что оценочные ответы занимают отдельное место в ассоциативно-вербальной сети и по большому счету имеют негативную коннотацию (*bullshit* ‘бред; чушь’, *bigot* ‘фанатик’, *leave* ‘уехать; покинуть’), за исключением реакции *glory* ‘слава’. Наличие этих ассоциаций говорит о том, что языковая личность исследуемых англофонов сформирована и на мотивационном уровне. Испытуемые группы В используют язык как средство выражения своего отношения к происходящим с ними событиям.

Далее рассмотрим ассоциативные поля в экспериментальных группах.

Исследуемые школьники продемонстрировали самое поверхностное понимание концепта «nation». В данном случае невозможно выделить какие-либо подрубрики из-за низкого разнообразия ответов. В группе культурно-ориентированные реакции практически не встречаются, за исключением ассоциации «Russia». По аналогии с англофонами можно заключить, что учащиеся этой группы при использовании иностранного языка мыслят категориями родного языка. Это можно подтвердить данными русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса, согласно которому в числе самых популярных реакций русскоговорящих респондентов на стимул «нация», находятся такие слова как *русский, русская, русские, Россия* и т. п.[10] Тем не менее на данном этапе исследования остается неизвестным, является ли при переходе на иностранный язык связь понятия «нация» со своей родиной исключительной особенностью этой группы испытуемых или тенденцией всех исследуемых неносителей. Ответы с оценочной или эмоциональной коннотацией у школьников практически отсутствуют, за исключением ассоциата *pride* ‘гордость’. На примере стимула «nation» у исследуемых группы А наблюдается относительно развитый вербально-семантический уровень, но тезаурус II сложно назвать сформированным. Понимание социального-культурного контекста развито недостаточно; прагматикон практически не выражен. Можно сказать, что у учащихся восьмого класса вторичная языковая личность находится лишь на этапе своего активного становления.

Ассоциативное поле группы Б самое разнообразное: оно включает наибольшее количество семантических рубрик (шесть при четырех у носителей), ассоциации практически не повторяются. По результатам ряда ассоциативных экспериментов, проведенных В. В. Катерминой и О. Н. Логутенковой, исследователи сделали вывод, с которым соотносятся данные настоящей работы: «Ассоциативные реакции билингвов богаче реакций монолингвов»[11]. Интересно, что, несмотря на происхождение, русскоговорящие студенты-лингвисты не связали понятие «нация» с элементами своего этноса, но дали несколько реакций, относящихся к социокультурным реалиям англоговорящих людей: *the US, eagle, European*. Это свидетельствует о том, что у испытуемых из этой группы сформирован лингвокогнитивный уровень в структуре вторичной языковой личности.

На мотивационном уровне русскоговорящие студенты-лингвисты выразили в основном позитивную или нейтральную оценку (*sense* ‘смысл; разум’, *equality* ‘равенство’, *strength* ‘сила’), не считая реакции *difficulty* ‘трудность’, для интерпретации которой требуется дополнительное обсуждение с участниками эксперимента. Тем не менее, оценка этой экспериментальной группы не отличается экспрессивностью носителей. Фактор возраста не влияет на ассоциации, данные группой русскоговорящими студентами и школьниками. Этот вывод подтверждает сходное исследование И. А. Барабушки и Л. А. Кривенко. по результатам которого русскоязычные испытуемые той же возрастной группы, что и участники настоящего эксперимента из группы Б, были склонны давать стереотипные реакции и «выражать реалии собственной культуры при ассоциировании на иностранном языке» в силу недостаточного уровня владения им [Барабушка, Кривенко, 2022, с. 17].

Выводы

Опираясь на результаты проведенного ассоциативного эксперимента, можно заключить, что уровень сформированности вторичной языковой личности на примере концепта «нация» логично соотносится с уровнем владения английским языком у испытуемых из обеих экспериментальных групп. Исследуемые школьники, уже освоившие посильные для них средства межкультурной коммуникации, пока недостаточно погружены в англоязычную социокультурную среду и еще не обладают фоновыми знаниями для формирования полноценных и независимых оценок и установок на английском языке. Можно предположить, что без автоматизации базовых речевых навыков полноценное развитие лингвострановедческой, социокультурной, прагматической компетенций маловероятно. «Задачей преподавателя является передача ключей к адекватному восприятию и пониманию инокультурного фрейма путем ознакомления учащихся не только с лексико-грамматической базой, но и социокультурными особенностями народа, говорящего на изучаемом языке» [Сладкевич, 2022, с. 61]. Кроме того, исследуемые школьники испытывают влияние первичной языковой личности на вторичную вплоть до перехода на средний уровень владения английским языком. В то же время продвинутые студенты-лингвисты не подвержены такому воздействию

[8] Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1965. P. 200.

[9] Word association – “nation” statistics. URL : https://wordassociation.org/words/nation (дата обращения : 05.05.2025).

[10] Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 томах. Том 1. Москва : Азбуковник, 2014. С. 129.

[11] Катермина В. В., Логутенкова О. Н. Вторичная языковая личность в контексте культуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1. С. 46.

и способны воспринимать концепт «нация», ассоциируя данное понятие с элементами англоязычной культуры.

Тем временем ассоциативный эксперимент может служить инструментом отслеживания динамики развития вторичной языковой личности. Этот способ имеет потенциал для диагностики учащихся в различных учебных группах и корректирования их рабочей программы: включение в образовательный процесс большего количества заданий страноведческого плана и упражнений на развитие прагматической компетенции.

Одной из перспектив исследования является проведение аналогичного масштабного ассоциативного эксперимента на других стимулах. Это позволит выделить явные тенденции в динамике развития вторичной языковой личности с учетом условий обучения разных испытуемых.

Список литературы

Барабушка И. А., Кривенко Л. А. Топонимы Voronezh и Moscow в языковом сознании носителей английского языка как неродного // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. № 3. С. 11-19. DOI 10.37972/chgpu.2022.116.3.002. EDN EULZMO

Богуславская В. В., Будник Е. А., Мамонтов А. С., Чинь Т.К.Н. Национально-ориентированная лексикография и обучение русскому как иностранному // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 5-29. DOI 10.17223/22274200/24/1. EDN XGXOJA

Вардзелашвили Ж. А., Прокофьева Л. П. Становление вторичной языковой личности в пространстве иностранного языка // Филологический класс. 2022. Том 27, № 4. С. 205-216. DOI 10.51762/1FK-2022-27-04-18. EDN LCHIXX

Гребенникова И. А., Глебенко Л. Ю., Каллаур В. С. Роль концепта «вторичной языковой личности» в процессе аккультурации // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 133-136. DOI 10.24412/2587-8328-2021-9-133-136. EDN BUVMUV

Кузьмина М. А. Междисциплинарные основания исследования оценочных ассоциативных доминант // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 325-338. DOI 10.17223/18137083/80/25. EDN PLTGJH

Сладкевич Ж. Р. Влияние ценностно-культурной матрицы на интерпретацию международного праздника иностранными студентами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 46-66. DOI 10.17223/19986645/78/3. EDN SVHPIN

Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3. С. 110-125. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125. EDN EXQMGT

References

Barabushka, I. A., Krivenko, L. A. (2022). Toponyms Voronezh and Moscow in the linguistic consciousness of non-native English speakers. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin, 3*, 11-19. EDN: EULZMO. https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.116.3.002

Boguslavskaya, V. V., Budnik, E. A., Mamontov, A. S., Trinh, T. K. N. (2022). Nationally oriented lexicography and rfl training. *Russian journal of lexicography, 24*, 5-29. EDN: XGXOJA. https://doi.org/10.17223/22274200/24/1

Vardzelashvili, Ja. A., Prokofyeva, L. P. (2022). The formation of a secondary linguistic personality in the space of a foreign language. *Philological Class, 27*(4), 205-216. EDN: LCHIXX. https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-04-18

Grebennikova, I. A., Glebenko, L. Ju., Kallaur, V. S. (2021). The role of the concept of "Secondary Linguistic Personality" in the process of acculturation. *Modern pedagogical education, 9*, 133-136. EDN: BUVMUV. https://doi.org/10.24412/2587-8328-2021-9-133-136

Kuzmina, M. A. (2022). Interdisciplinary basis of the study of evaluative associative dominants. *Siberian journal of philology, 3*, 325-338. EDN: PLTGJH. https://doi.org/10.17223/18137083/80/25

Sladkevich, Zh. R. (2022). The influence of the value-cultural matrix on the interpretation of the international holiday by foreign students. *Tomsk State University journal of philology, 78*, 46-66. EDN: SVHPIN. https://doi.org/10.17223/19986645/78/3

Sternin, J. A. (2020). Interpretation problems of associative experiments. *Journal of Psycholinguistics, 3*, 110-125. EDN: EXQMGT. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125

Информация об авторе

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7608-9772;
e-mail: queenvera@yandex.ru

Полянская Екатерина Тимофеевна – студентка,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация;

ORCID: https://orcid.org/0009-0005-1497-592X;
e-mail: mushvikiton_k@mail.ru

Information about the author

Vera V. Koroleva – Dr. Sci. (Phil.),
associate professor, head of the department,
Vladimir State University,
Vladimir, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7608-9772;
e-mail: queenvera@yandex.ru

Ekaterina T. Polyanskaya – student,
Vladimir State University,
Vladimir, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0005-1497-592X;
e-mail: mushvikiton_k@mail.ru

Поступила в редакцию 25.05.2025
Принята к публикации 11.06.2025
Опубликована 20.06.2025

Received 25 May 2025
Accepted 11 June 2025
Published 20 June 2025